

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 - декабрь 1959) filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Камю Альбер
Записные книжки (Март 1951 - декабрь 1959)

Предисловие к И. и Л.

"...именно тогда я и полюбил искусство, причем с такой неистовой страстью, что с возрастом она не только не ослабла, но сделалась воистину всеобъемлющей... К прочим моим оковам эта болезнь прибавила новые, едва ли не самые тяжкие, однако она же в конце концов взрастила в моем сердце ту свободу, ту легкую отстраненность от людских забот и интересов, благодаря которой я не ведал ни горечи, ни злобы. Привилегия (а она таковой и является) просто королевская - я это понял с тех самых пор, как перебрался в Париж. И так уж вышло, что я пользовался ею беспрепятственно: как писатель начинал с восторженного изумления, что в определенном смысле сродни раю земному; как человек никогда не увлекался "борьбой" с кем-либо. Меня влекло неизменно к лучшим или более значительным людям, чем я сам".

* * *

Творец. Разбогател на своих книгах. Но они ему не нравятся, тогда он принимается за великое произведение. Работает только над ним, без конца переделывает. И вот постепенно в дом заползает нужда, а за ней полная нищета. Все приходит в упадок, а он себе живет в состоянии какого-то жуткого счастья. Дети постоянно болеют. Приходится сдать квартиру внаем и самим ютиться в одной комнате. Он все пишет. Жена становится неврастеничкой. Проходит год за годом, запустение полнейшее, но он продолжает работу. Дети сбегают из дома. Жена умирает в больнице, а он в этот самый день ставит последнюю точку, и человек, сообщивший ему горестное известие, слышит в ответ одно лишь слово: "Наконец-то!"

* * *

Роман. "Мало кто назвал бы его смерть геройской. В двухместную камеру затолкали двенадцать человек. От страшной духоты он упал в обморок. Остальные изо всех сил тянулись к окну и даже не заметили, как он умер, прижатый к липкой стене".

* * *

Естественность не дается от рождения: это достоинство приобретенное.

* * *

Ответ на вопрос, какие у меня самые любимые десять слов: "мир, боль, земля, мать, люди, пустыня, честь, нищета, лето, море".

* * *

Человек образца 1950 г.: блудил и читал газеты.

* * *

Постоянно такое чувство, словно я в открытом море: неизъяснимое счастье с привкусом опасности.

* * *

Ж., или притворщик: веря лишь в то, что не от мира сего, делает вид, что живет одними земными интересами. Играет, но играет нарочито. В результате ни у кого в мыслях нет, что он только играет. Двойное притворство, даже тройное: он не смог бы начисто лишить себя всех плотских наслаждений или сознания собственной власти.

* * *

Приятие того, что есть: разве это признак силы? Нет, здесь скорее рабство. Другое дело приятие того, что уже совершилось. В настоящем бороться.

* * *

Правда не добродетель, но страсть. Отсюда - никогда ей не быть милосердной.

* * *

Языковые тики у М....: - И все такое - В общем и целом - Хоть отбавляй... - Ну, в общем, вы знаете... - Я не нашла в ней ничего особенного - Она не доверяет ни одной живой душе, ну как так можно - Да что тут говорить! Пока не увидишь, не поверишь - Уникально - Когда она только ложилась на операцию... - Рассыпанные приборы (разрозненные) - Я, говорит, просто так сказала, ладно, думаю, ты у меня еще попляшешь - А еще, помнишь, у нее такой был потрясный... - И ля-ля-ля - Так что вот... - Хватит выпендриваться-то! (обращаясь к мужу, который собрался куда-то идти без свитера).

* * *

То же. Аугуста. Солдат, ее фронтовой крестник, так выражает ей свою признательность: "Г-жа Пельрен, вы для меня были не просто матерью, а хуже". Ее рассказ о бомбардировке в Нанте. В этот момент она шла по улице с подругой; они

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 - декабрь 1959) filosoff.org
вдвоем забились в какой-то подъезд. "На мне лиса была и новый костюм. Когда все
кончилось, я осталась в одной комбинации". Подруга исчезает под обломками. "Я ее
за волосы вытягивала. Еще бы чуть-чуть и..." "А благоверный мой, видно,
настолько был от меня без ума, что даже не побеспокоился, выбралася я оттуда или
меня завалило... Причем накануне мне выписывали удостоверение личности. Там
графа есть - "особые приметы", я прочерк поставила. А на другой день уже такая
рожа..."

* * *

Именно из-за жестокостей со стороны адмирала Колчака в русской компартии
чекисты возбладали над приверженцами более гуманных методов.

* * *

1920 г. Отмена смертной казни. В ночь перед вступлением декрета в силу чекисты
расстреливают заключенных. Впрочем, через несколько месяцев смертная казнь
вводится вновь. Горький: "Когда же прекратятся у нас убийства и кровопролития?"

* * *

Следует вкладывать свои принципы во что-то великое. В малом достаточно просто
милосердия.

* * *

Уайлд. Хотел поставить искусство превыше всего. Однако величие искусства
отнюдь не в том, чтобы парить надо всем. Напротив, оно в том, чтобы во все
вмешиваться. Уайлд пришел к пониманию этого благодаря боли. Но это время несет
на себе вину: непременно нужно пройти через боль и рабство, чтобы открыть
истину, которая присутствует и в счастье - если только сердце достойно его.
Холуйский век.

* * *

То же. Не бывает двух талантов: один для жизни, другой для творчества. Одного
достаточно и на то и на другое. И можно быть уверенным, что если этого таланта
хватило лишь на произведение искусственное, неподлинное, то и жизнь ему была под
силу лишь пустая и ничтожная.

* * *

Я начинал с произведений, в которых время отрицалось. Понемногу мне открылись
истоки времени - и понятие созревания. Собственно, произведение и есть не что
иное, как медленное созревание.

* * *

Смерть оскорбительна. История человечества есть история мифов, которыми люди
пытались прикрыть эту реальность. Исчезновение традиционных мифов привело к
тому, что последние двести лет человечество бьется в судорогах, ибо смерть стала
безысходной. И все же никакая человеческая правда невозможна, если в конце
концов не признается смерть безо всякой надежды. Речь идет о том, чтобы признать
существование предела, но не со слепым смиренiem, а в напряжении всего своего
существа, что и будет означать обретение равновесия.

* * *

Люди, ставящие принципы превыше личного счастья. Отказываются быть счастливыми,
кроме как на условиях, которые они заранее поставили себе для счастья. Если же
оно внезапно овладевает ими - теряются: несчастные оттого, что их лишили их
несчастья.

* * *

Бывают такие вечера, после которых еще долго хорошо на душе. Умирать легче,
когда знаешь, что и после тебя будут такие вечера на земле.

* * *

Женщина, которая любит по-настоящему, всей душой, отдаваясь полностью, и
становится тогда такой непомерно огромной, что не находится мужчины, который в
сравнении с нею сделался бы посредственностью, ничтожеством, мелкой душонкой.

* * *

Никто сильнее меня не жаждал гармонии, непринужденности, раз навсегда
установившегося равновесия, но идти к этому мне неизменно приходилось самыми
крутыми тропами, сквозь смуту, борьбу.

* * *

Джеймс ("Послы"). "Самого себя ненавижу, как подумаю обо всем, что необходимо
взять из жизни других людей, чтобы самому стать счастливым, и при этом даже
тогда счастлив не будешь".

* * *

Мориак. Замечательное доказательство возможностей его религии: он пришел к
благотворительности, минуя щедрость. И зря он без конца отсылает меня к
страданиям Христа. Сдается мне, что я отношусь к ним с большим уважением, чем
он, поскольку никогда не считал для себя возможным дважды в неделю толковать о
муках Спасителя моего на первой странице газеты для банкиров. Он называет себя
раздраженным писателем. Так оно и есть. Вот только в этом его раздражении

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 – декабрь 1959) filosoff.org сквозит неодолимое желание использовать распятие в качестве метательного снаряда. Что и превращает его в первоклассного журналиста – и во второстепенного писателя. Этакий Достоевский из Жиронды.

* * *

Роман. "В такие моменты он закрывал глаза и получал сильнейший удар наслаждения – так налетает в тумане на прибрежную скалу парусник, сотрясаясь всем корпусом до самого киля; дрожь пробегает по всем снастям и ребрам корабля от мостика до фок-мачты, и еще долго гуляет по нему эта дрожь, пока наконец не начинает он медленно заваливаться набок. А потом это уже можно было считать кораблекрушением".

* * *

Никогда не говорить человеку, что он бесчестный. Таковыми могут быть поступки, группы людей, даже цивилизации. Только не отдельный человек. Ибо если он не сознает, что такое бесчестие, то он не может потерять честь, коей и не имел. Если же он ее имеет, результатом будет страшный ожог – положите раскаленное железо на воск. В человеке все плавится, трещит в огне невыносимой боли, которая меж тем служит залогом возрождения. Это пылает честь, которая как раз не желает исчезать и самоутверждаться тем сильнее, чем непереносимее боль. По крайней мере, подобное пережил я в тот день, точнее – в ту секунду, когда, по недоразумению, вдруг поймал себя на том, что совершил самую настоящую низость. Потом оказалось, что все совсем не так, но одной той секунды уже было недостаточно, чтобы я научился понимать состояние человека униженного.

* * *

Мои выступления по радио. – Слушая себя, я делаю вывод, что не вызываю ничего, кроме раздражения. Таким меня делает Париж, несмотря ни на какие мои усилия. Слишком продолжительное одиночество – со временем исчезновения "Комба" – решительно негде высказаться, изложить свои мысли, что-то поправить при случае. Хотя бы раз ощутить чье-то ответное тепло или, по крайней мере, воочию убедиться в том, что кто-то еще сохранил великодушие. Все закономерно: я леденею и приобретаю тот самый ледяной тон, слишком высокомерный даже для того, чтобы выразить им подлинное пренебрежение, разве только неприятный на слух. Вот если бы я хоть на секунду почувствовал, что кто-то мне по-настоящему доверяет, я бы засмеялся, и все было бы в порядке.

* * *

Моими представлениями о вульгарности я обязан кое-кому из крупных буржуа, кичащихся своей образованностью и привилегированным положением, как, например, Мориак, в особенности же в те минуты, когда они являются собой зрелище уязвленного тщеславия. Они тогда стараются нанести ответный удар по тому же месту, в которое были ранены сами, и тем обнаруживают действительный уровень, на коем они пребывают в жизни. Тогда в их душе впервые торжествует такая добродетель, как смиренение. Бедняги, в сущности, но ведь по злобе.

* * *

Никогда я не был особенно зависим от окружающих, от чужого мнения. Хотя нет, был до недавнего времени, пусть и незначительно. Но вот позади и последнее, решающее усилие. Теперь в этом отношении моя свобода безгранична. Свободен – значит и доброжелателен.

* * *

По несколько дней кряду я бываю о себе самого отвратительного мнения.

* * *

Для СССР лучшая защита от атомной бомбы – мораль в международных отношениях, которую он и старается оживить разного рода публичными обвинениями. Т. е. он компенсирует это свое единственное отставание тем, что прибегает к помощи морального суждения, отвергнутого его официальной философией.

* * *

Ни на кого не нападать, особенно в тех вещах, что предстоит написать. Время полемики и критики прошло – Творчество.

* * *

Полностью устраниТЬ всякую критику и полемику – Отныне единственно и непременно – утверждать.

* * *

Пойми их всех. Люби и выделяй немногих.

* * *

Встретил Ф. Вианне, с которым ни разу не виделся со времен оккупации и чудесных дней освобождения Парижа. И внезапно нахлынула такая щемящая, до слез, тоска по товарищам.

* * *

То, что мною было сказано, сказано для всеобщего блага и той частью меня, которая принадлежит обыденности. Но другая часть меня владеет тайной, открыть

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 – декабрь 1959) filosoff.org
которую невозможно – и с которой придется умереть.

* * *
Гений – это здоровье, превосходный стиль, хорошее расположение духа но на пределе страдания.

* * *
Творчество. Чем больше дает, тем больше получает – Истратить всего себя, чтобы стать богатым.

* * *
Все писатели, великие и не очень, непременно заявляют устно и письменно, что современники всегда освистывают гения. Разумеется, это не так, подобное бывает лишь иногда и чаще случайно. Но сама эта потребность для писателя характерна.

* * *
И для древних, и для классиков в природе преобладала женственность. В нее можно было войти. Для наших художников в ней преобладает мужественность. Она входит в наши глаза, так что разрывает все изнутри.

* * *
Он собственноручно расстреливал их и говорил при этом: "За все нужно платить лично".

* * *
Сексуальное освобождение принесло с собой хотя бы то, что теперь появилась возможность сохранить целомудрие и проявить силу воли. Неограниченные возможности, женщины сдержанные или раскрепощенные, пылкие или мечтательные и ты сам, не знающий удержу или осмотрительный, торжествующий или неспособный на сильное желание, – дело сделано. Нет больше ни тайн, ни запретов. Человек почти полностью свободен в своих устремлениях, но и смирить себя можно почти всегда.

* * *
Глубоко во мне – испанское одиночество. Человек выбирается из него лишь на "мгновения", а затем возвращается на свой остров. Впоследствии (начиная с 1939 г.) я пытался воссоединиться, прошел через все этапы того времени. Но второпях, окрыленный криками и подхлестываемый войнами и революциями. Сейчас я на пределе – и одиночество мое переполняется тенями и вещами, которые принадлежат только мне.

* * *
Мне не уступят даже мою собственную смерть. А между тем мое самое заветное желание на сегодня – тихая смерть, которая не заставила бы слишком переживать дорогих для меня людей.

* * *
Какой-то частью своей я испытывал глубочайшее презрение к этой эпохе. Ни разу, даже когда случалось поступать наихудшим для себя образом, не расставался я с понятием чести, хотя нередко мужество покидало меня при виде крайнего упадка, в который наш век погрузился почти целиком. Другой же своей частью я сознательно разделил с другими ответственность за этот упадок и включился в общую борьбу...

"Медея" – в исполнении труппы Античного театра. Не могу без слез слушать этот язык, словно человек, который наконец обрел родину. Эти слова мои, мои эти чувства, моя это вера.

"Какое горе – человек без города". "О сделайте, чтоб не был он без города", – говорит хор. Я без города.

* * *
Любовь – это, похоже, единственное, что нас устраивало в боге, ведь мы всегда не прочь, чтобы нас кто-то любил против нашей воли.

* * *
Они суть бунт, гордость, несокрушимая стена на пути надвигающегося рабства. Никому не уступят они эту роль – а буде кто взбунтуется по-иному, того они отлучат.

И вот, что же? Один такой дожидается, пока самая честная и порядочная газета из всех, что существовали в наше время, созданная самопожертвованием и упорным трудом сотен людей, – он дожидается, повторю, пока газета эта не перейдет в руки продажного дельца, чтобы тут же, едва из редакции уйдут все свободные люди, предложить свои услуги этому торговцу. Другой подбадривает и наусыкивает своего старого друга против меня и в то же самое время пишет мне же, что не стоит, дескать, придавать особого значения слова старого поэта, а затем, перепугавшись, пишет снова, умоляя меня не предавать огласке его письмо и мелкое предательство. Третий упрашивает меня оказать ему одну услугу, добивается своего и, не успев вернуться домой, стряпает статейку с оскорблением в мой адрес, хотя не забывает при этом отправить мне письмо, чтобы подсластить пиллюю. Наконец еще один, из опасения, что о нем плохо подумаю, поскольку он долгое время представлял издательство, злоупотребившее моим доверием, домогается объяснения со мной,

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 - декабрь 1959) filosoff.org получает письмо, в котором ему сообщается, что его, так уж и быть, впредь не будут путать с его нанимателем, - и, не теряя ни минуты, строчит этакое эссе, в коем сокрушаются по поводу того, что моралисты моего пошиба рано или поздно подадутся в полицейские.

Таковы они, наши борцы, наши изгои, удобно укрывшиеся пологом проклятия и вылезающие из-под него лишь для плетения очередной интриги. Это они защитят нашу свободу, они, заявляющие, что славный стяг не будет выбит из их надежных рук надвигающейся бурей. Полноте, первая же полицейская зуботычина швырнет их на колени!

* * *

Есть такая порода людей, которая точно знает, с кем можно чувствовать себя вольготно. Прежде всего с теми, кто по мере сил ведет себя порядочно и кому кажется неприличным пользоваться всеми выгодами своего положения.

* * *

Все и вся на меня, хотят извести, требуя каждый своей доли, и никогда, никогда никто не пришел на помощь, не протянул руку, не полюбил меня, наконец, таким, каков я есть, и затем, чтобы я таковым и оставался. Они полагают, что у меня безграничный запас энергии и что мне следует поделиться ею с ними, чтобы им было проще жить. Но все мои силы я вложил в изматывающую страсть к творчеству, так что в остальном я год и неимущ, как никто из людей.

* * *

Я не верю людям, которые говорят, что пустились в удовольствия от отчаяния. Подлинное отчаяние всегда ведет либо к тяжелым переживаниям, либо к бездеятельности.

* * *

Избыток белых кровяных телец, недостаток красных, и вдобавок одни пожирают других - у Франции лейкемия. Она более не в состоянии ни вести войну, ни сделать революцию. Реформы - пожалуй. И лжец тот, кто предлагает ей что-то иное. Прежде полностью сменить ей кровь.

* * *

Стиль. Осторожнее с формулировками. Они иногда, как гром: удар есть, а вспышки нет.

* * *

В Бухенвальде вновь прибывший француз просит оформляющего его чиновника, тоже заключенного, выслушать его: "Видите ли, дело в том, что мой случай особый: я ни в чем не виноват".

* * *

Раньше я очень любил бродить вдоль моря по пляжу. Но потом пустынные пляжи моей юности превратились в какие-то торговые ряды. И сейчас мне хорошо только посреди океана, там, где перестаешь верить в само существование берегов. Но когда я однажды попал на пляжи Бразилии, я снова понял, что нет для меня большей радости, чем идти, ступая по нетронутому песку, навстречу звучному свету, наполненному свистящим шипением волн.

* * *

Роман. Во время оккупации замечает, до какой степени он стал националистом, по той досаде, которую ощущает, видя бродячего пса, весело бегущего за немецким солдатом.

* * *

Роман. Различные ритмы у разных людей и также различные ритмы у одного и того же человека. Д. положил глаз на одну женщину, но все почему-то медлит. И вдруг звонит ей по телефону, мчится за полторы тысячи километров, ведет ее ужинать, и той же ночью она у него в постели.

* * *

Мы хотим пережить определенные чувства еще до того, как в самом деле их испытаем. Мы же знаем, что они есть. И традиция, и наши современники беспрестанно сообщают нам о них - совершенную, впрочем, чушь. Но мы тем не менее переживаем их, как бы по доверенности. И даже используем - так ни единожды не испытав.

* * *

От того, чтобы окончательно упасть духом, меня неизменно спасало то, что я не переставал, за неимением лучшего, верить в свою "звезду". Но теперь я больше не верю в нее.

* * *

Трагедия не в том, что ты один, а в том, что ты не можешь быть один. Иногда, кажется, я отдал бы все на свете, лишь бы не иметь никаких связей с миром людей. Но я часть этого мира, а значит, мужественнее всего - принять его, и трагедию с ним вместе.

* * *

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 - декабрь 1959) filosoff.org
Прогресс в материальном положении неизбежно и в весьма значительной степени делает человека лучше. Но за известным пределом, когда приходит богатство, он становится вреден. На этом-то рубеже и балансирует мораль.

* * *

Кто замолвит слово за нас? Наши произведения. Увы! Кто же тогда? Никто, никто, кроме немногих наших друзей, кто видел нас в минуту самоотречения, когда всю душу отдаешь другому. То есть кроме тех, кто нас любит. Но любовь есть молчание: каждый человек умирает неизвестным.

* * *

Сентябрь 52-го. Полемика с Т. М. Постоянные нападки: "Ар", "Карфур", "Ривароль". Париж - это джунгли, но хищники здешние больно невзрачны.

* * *

Духоборы. По-русски, те, кто духом борются.

* * *

Собственность - это убийство.

* * *

Практическая мораль.

Никогда не обращаться в суды.

Деньги отдавать или терять. Никогда не делать так, чтобы они приносили доход, не гоняться за ними, не требовать их.

Название: Небольшой трактат о практической морали - или (с вызовом) об аристократизме в быту.

* * *

Бывало, когда гуляние у кого-нибудь затягивалось далеко за полночь, когда под воздействием алкоголя, танцев, всеобщего необычайного возбуждения по телу начинала быстро разливаться приятная истома, мне вдруг мерещилось, на пределе усталости, что я наконец постиг, на какую-то секунду, тайну жизни и смогу однажды ее высказать. Но усталость улетучивалась, а вместе с ней и тайна.

* * *

Роман. "Совсем не ее ненавидел он все эти дни. В ней не было ничего такого, за что обычно ненавидят, и было почти все, за что обычно любят. В ней он ненавидел самого себя - свою ненадежность, свою бедность, неспособность любить то, что вполне заслуживает любви, и жить в таких условиях, которые он сам считал единственно достойными ее и себя..."

* * *

Порода людей, испытывающих денежные огорчения и сердечные затруднения.

* * *

Как груда камней, едва отличимая от других таких же по всей пустыне, указывает тем, кто научен бедностью, таинственный путь к местам, где есть вода или высохшая трава.

* * *

Засуха на юге - и голод - погибло восемьдесят тысяч овец. Люди скребут землю, выискивая какие-то корешки. Бухенвальд под палящим солнцем.

* * *

Во Франции для каждой специальности предусмотрено определенное соотношение иностранных рабочих. Так, в шахтах их доля тем выше, чем глубже нужно спускаться. Гостеприимный край, вот только требуются здесь прежде всего рабы.

* * *

Страх как объяснение всех ужасов современности. Атом, процессы в Советском Союзе и т. д. Предательство левой интеллигенции.

* * *

На злобу дня: 10 французских врачей, из них половина евреев, не имея другой информации, кроме правительенного сообщения из Москвы, подписывают заявление, в коем приветствуют арест своих советских коллег, на 9/10 евреев. Торжество научной мысли. Спустя какое-то время то же самое правительство объявляет о невиновности врачей, хотя они по-прежнему находятся в тюрьме.

* * *

Гуманизм. Не люблю человечество вообще. Прежде всего я с ним солидарен, что вовсе не одно и то же. Ну, а кроме того, есть несколько человек, кто-то из них жив, кто-то умер, перед которыми я преклоняюсь до такой степени, что стремлюсь с неизменной ревностью или тревогой сохранить, сберечь во всех остальных то, что, чисто случайно или, наоборот, неведомо когда, сделало или только сделал их подобными тем немногим.

* * *

Социализм, по Зощенко, придет - когда на асфальте вырастут фиалки.

* * *

15 февраля 1953 г.
дорогой П. Б.

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 – декабрь 1959) filosoff.org
Начну с извинений за пятницу. Это не была лекция о Голландии, просто в последний момент меня мобилизовали надписывать книги, чтобы собрать деньги для этих беженцев. Подобное занятие для меня внове, и я не счел возможным отказаться, полагая, что вы меня простите за то, что все получилось так некстати. Однако вопрос не в этом, а в том, что, как вы говорите, трудно стало общаться. Мои соображения на сей счет можно выразить очень просто: если бы вы хоть на четверть были знакомы с моей жизнью и ее обязательствами, вы не написали бы ни единой строки из вашего письма. Но вы ее не знаете, а мне невозможно, да и не подобает объяснять ее для вас. "Высокомерное одиночество", на которое вы жалуетесь вслед за многими другими, из коих отнюдь не все вам ровня, явилось бы в самом деле, буде оно имелось, благословением для меня. Но райское это состояние приписывается мне несправедливо. Правда же заключается в том, что каждый час для работы я просто-таки отвоевываю у времени и у окружающих меня людей, хотя, как правило, безуспешно. Я ни на что не жалуюсь. Моя жизнь такова, какой я сам ее сделал, и сам же я в первую очередь несу ответственность за такой ее ритм и беспорядочность. Но все же когда я получаю письмо, подобное вашему, тогда да, хочется кому-нибудь пожаловаться или, по крайней мере, попросить не торопиться с обличениями. Чтобы везде успеть, мне понадобилось бы сегодня три жизни и в придачу несколько сердец. У меня есть одно-единственное, и судить о нем можно по-разному – я сам часто бываю о нем не слишком высокого мнения. Я физически не располагаю временем, а тем более внутренней независимостью, чтобы видеться с друзьями так часто, как бы мне того хотелось (спросите-ка у Шара, которого я люблю, как брата родного, сколько раз в месяц мы с ним видимся). У меня нет времени, чтобы писать статьи в журналы ни о Тунисе, ни о Ясперсе – даже затем, чтобы лишить Сартра еще одного аргумента. Хотите – верьте, хотите – нет, но у меня нет ни времени, ни внутренней независимости даже для того, чтобы просто поболеть. Стоит мне заболеть, как все начинает идти наперекосяк, и потом требуется несколько недель, чтобы жизнь вошла в обычную колею. Однако серьезнее всего то, что у меня больше нет ни времени, ни внутренней возможности писать книги, и приходится тратить четыре года на то, что при свободной жизни я сделал бы за год-два. Вообще за последние годы писания мои не столько освобождали меня, сколько порабощали. И если я продолжаю этим делом заниматься, то лишь потому, что не могу иначе, ибо предпочитаю его всему на свете, даже свободе, даже великой мудрости или богатству мысли и даже – это так, – даже дружбе. Я, правда, пытаюсь по-всякому сам себя организовать, тяну за двоих и увеличиваю "хват" благодаря определенному расписанию, четкому распорядку каждого дня, все большей отдаче. Надеюсь, когда-нибудь меня хватит на все. Пока же я явно неправляюсь: каждое письмо оборачивается еще тремя, каждый новый человек тянет за собой еще десятерых, после каждой книги – сотня писем и еще два десятка корреспондентов, а жизнь тем временем продолжается, остаются и работа, и те, кого я люблю, и те, кому я нужен. Жизнь идет, а я иной раз проснусь, и от всего этого шума, от необходимости продолжать работу, которой конца не видно, от безумного этого мира, который обступает вас со всех сторон, стоит только взять утром газету, наконец, от уверенности, что я все равно не справлюсь и всех разочарую, – мне хочется просто сесть и сидеть так до вечера. Такое вот желание, и я иногда ему уступаю.

Сможете ли вы понять все это, Б.? Разумеется, вы вполне заслуживаете, чтобы вас уважали и с вами общались. Разумеется, ваши друзья ничем не хуже моих (которые вовсе не такие уж менторы, какими вы их считаете). Хотя мне с трудом верится (и это отнюдь не поза), что мое уважение может представлять для кого-то ценность, можете не сомневаться, что вы его имеете. Но чтобы это уважение переросло в активную дружбу, как раз и требуется приличный запас свободного времени, продолжительное общение. Я встречался со многими замечательными людьми, в этом смысле мне повезло в жизни. Но иметь стольких друзей просто невозможно, и в этом моя беда: я знаю, что обречен многим приносить разочарование. Понимаю, что людям от этого очень тяжко, мне и самому тяжко. Но так уж сложилось, и если я такой кого-то не устраиваю, что ж, пусть оставит меня в одиночестве, которое, как видите, не такое уж и высокомерное, как вы о нем выражились.

Во всяком случае, на ваши горькие слова я отвечаю без горечи. Письма, подобные вашему, приходящие от таких людей, как вы, только лишний раз меня расстраивают и добавляют лишний довод в пользу решения бежать из этого города и той жизни, которую я здесь веду. Пока что, хотя это самое заветное мое желание, оно неисполнимо. Значит, придется продолжать это странное существование и к тому же считаться с назначенной вами ценой, на мой взгляд, несколько завышенной, которую мне надлежит заплатить за то, что я позволил прижать себя к стенке.

Как бы то ни было, прошу простить меня за то, что разочаровал вас, и принять уверения в моем неизменном к вам уважении.

* * *

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 - декабрь 1959) filosoff.org
Немезида. Любовь может и убить, причем только ради себя же самой. Имеется даже некая грань, за которой любовь к одному человеку влечет за собой убийство остальных. В некотором смысле любовь предполагает одновременно личную вину. Которую к тому же не переложишь на другого. И которая тем тяжелее, чем явственней полное отсутствие разумного алиби. Приходится в одиночку решать, любишь ты или нет, и в одиночку же отвечать за непредсказуемые последствия настоящей любви. Этому чреватому риску одиночеству человек обычно предпочитает не слишком пылкое сердце вкупе с набором моральных принципов. Он боится сам себя и ради самого же себя. Он хочет уберечь себя, отказываясь при этом от своего предназначения. И главнейшей его заботой становится поиск оправдания, которое облегчило бы хоть немного бремя его вины. Раз уж этой вины не избежать, пусть, по крайней мере, она не лежит на тебе одном. Рядовой член партии.

* * *

Половое влечение: странное, какое-то чужое, словно бы само по себе; всегда самочинно решает, когда ему вдруг пробудиться, и тогда неудержимо остается лишь слепо следовать за ним; или вдруг, после нескольких лет буйства и в ожидании новых лет разгула чувств, замкнется в себе и замрет; процветает в привычном, нетерпеливо ждет чего-то нового и отказывается от своей независимости лишь в тот момент, когда ты соглашаешься ублажить его раз навсегда. Кто из людей, в ком есть хоть крупица гордости, по своей охоте подчинился бы такой тирании? О целомудрие, ты - свобода!

* * *

Единственное оправдание, которое я нашел для своей жизни, - это мои муки творчества. Почти во всем остальном я банкрот. Если же и это меня не оправдывает, то на отпущение грехов нечего и рассчитывать.

* * *

Мы терпим сами себя благодаря телу - его красоте. Однако тело стареет. А когда красота уходит, остаются одни лишь причуды психики: они сталкиваются, и нет между ними посредника.

* * *

Письмо от Грина. Каждый раз, когда мне говорят, что восхищаются мною как человеком, у меня такое чувство, будто я всю свою жизнь лгал.

* * *

Для некоторых людей требуется больше храбрости, чтобы ввязаться в уличную драку, чем рвануться в атаку на передовой. Тяжелее всего поднять на человека руку и особенно ощутить на себе чужую ненависть.

* * *

Лопе де Вега пять или шесть раз становился вдовцом. Сейчас умирают реже. В итоге отпадает необходимость сохранять в себе силу возобновления любви; наоборот, ее всячески угнетают, чтобы дать проявиться совсем другой силе - бесконечного приспособления.

* * *

Забота о долге потому ослабевает, что все меньше и меньше остается прав. Кто непреклонен в том, что касается его прав, обладает и более сильным чувством долга.

* * *

Нигилизм. Лоботрясы несчастные, любители уравниловки и препирательств по пустякам. Готовы размышлять обо всем на свете, но лишь для того, чтобы все отвергнуть; не имеют никаких чувств, полностью полагаясь в этом на других - на партию или вождя.

* * *

Порядочность ненавидеть нельзя. Но бесконечные рассуждения о порядочности - можно. Ни в чьих устах они не могут быть уместны и менее всего в моих. А потому всякий раз, когда кто-то вылезает с разглашениями о моей честности (заявление Руа), меня начинает колотить внутренняя дрожь.

* * *

"Дон Жуан": вершина всех искусств. Заканчиваешь его слушать и словно совершил кругосветное путешествие и узнал всех людей.

* * *

Сосредоточен, никаких посторонних мыслей - я прошу лишь об одном, прошу ниже, хотя понимаю, что речь идет о чем-то непомерном: чтобы меня читали внимательно.

* * *

Роман. Ревность. "Я внимательно следил за своим воображением, не позволяя ему особенно разгуливаться. Держал на привязи".

Супружеская измена влечет за собой состояние обвиняемого по отношению к тому или к той, кому изменил. Вот только приговора нет. Или, точнее, приговор есть, и притом страшный: быть "вечным обвиняемым".

* * *

Начиная с Колумба, горизонтальная цивилизация пространства и количества приходит на место вертикальной цивилизации качества. Колумб убил средиземноморскую цивилизацию.

* * *

Без традиции у художника возникает иллюзия, что он сам создает правила. Вот он и Бог.

* * *

С некоторыми людьми мы строим отношения на правде. С другими - на лжи. И эти последние не менее прочны.

* * *

В психиатрической лечебнице Бродмур, где содержатся сошедшие с ума преступники, случаются кровавые драки из-за пустой баночки из-под аспирина.

* * *

Одна из задумок в театре (в том же Бродмуре): когда на сцену выходит злодей, появляется плакат: "Освистывать". Когда герой: "Хлопать".

* * *

Писать естественно. Публиковать естественно и расплачиваться за все это - естественно.

* * *

Критика по отношению к творцу - то же, что торговец по отношению к производителю. В эпоху коммерции уже стало не прдохнуть от этих комментаторов, посредников между производителем и публикой. И дело отнюдь не в том, что стало меньше творцов, а просто развелось слишком много комментаторов, которые топят ускользающую золотую рыбку в какой-то илистой жиже.

* * *

Любовь и Париж. Алжир. "Мы не умели любить".

То же. Детство в бедности. Жизнь без любви (но не без удовольствий). От матери ждать любви бесполезно. С той поры самым долгим делом на свете становится обучение любви.

* * *

"Я скажу потом, что мне срочно нужно было уйти".

* * *

Двоевстречаются взглядами - и только (скажем, кассирша и покупатель). При первом же удобном случае бросаются друг другу в объятия. Что говорит он? "У тебя есть время?" что говорит она, что отвечает?

"Я скажу потом, что мне срочно нужно было уйти".

Прогресс заключается в оптимальном равновесии двух тождественных сил. Он сознает свои границы и подчиняет все высшему благу. А вовсе не в виде вертикальной стрелы, что предполагало бы его безграничность.

* * *

Человек, живущий полноценной жизнью, отказывается от многих предложений. Затем, по той же причине, он забывает о том, что кому-то отказал. Однако предложения эти делали люди, чью жизнь не назовешь полноценной, вследствие чего они и помнят обо всем. Тот первый вдруг обнаруживает, что окружен врагами, и немало этим удивлен. Точно так же почти все художники считали, что их преследуют. Вовсе нет, им так платили за их отказ и проучивали за несметное их богатство. Тут нет никакой несправедливости.

* * *

То, что наши левые коллаборационисты одобряют, о чем умалчивают либо считают неизбежным, все подряд:

- 1) депортация десятков тысяч греческих детей.
- 2) физическое уничтожение русского крестьянства.
- 3) миллионы заключенных в лагерях.
- 4) исчезновение людей по политическим мотивам.
- 5) чуть ли не ежедневные политические казни за "железным занавесом".
- 6) Антисемитизм.
- 7) Глупость.
- 8) Жестокость.

Список далеко не полный. Но для меня и этого достаточно.

* * *

Октябрь 53 г. Ничего не скажешь, достойная профессия, при которой приходится покорно сносить оскорблений от какого-нибудь литературного или партийного холуя! В иные времена, о которых сейчас говорят как об упадочных, человек по крайней мере сохранял за собой право вызвать обидчика, не рискуя показаться смешным, и убить его. Глупость, разумеется, но благодаря ей оскорблять было не так уж безопасно.

* * *

Есть люди, чья религия состоит в том, что они прощают нанесенные обиды, но

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 - декабрь 1959) filosoff.org
никогда их не забывают. Я же не настолько благородного покроя, чтобы простить
обиду; но забываю ее всегда.

* * *

Те, кто вскормлен одновременно и Достоевским, и Толстым, кто одинаково хорошо понимает их обоих, не испытывая затруднений, суть неизменно натуры опасные как для самих себя, так и для окружающих.

* * *

На другой день после великих исторических кризисов чувствуешь себя таким же разбитым и в паршивом настроении, как и наутро с перепоя. Вот только нет такого аспирина, который бы помог от исторического похмелья.

* * *

Бывают мысли, которых не выскажешь вслух, но которые поднимают тебя высоко над всем, в вольный свежий воздух.

* * *

Рассказывают, что Ницше, оставвшись после разрыва с Лу в полнейшем одиночестве, по ночам поднимался на горы, которые окружают генуэзскую бухту, раскладывал огромные костры и смотрел, как они горят. Я часто думал об этих кострах, и они отбрасывали свой пляшущий от свет на всю мою умственную жизнь. Если же мне случалось быть несправедливым по отношению к некоторым мыслям и некоторым людям, с коими я встречался на этом веку, то лишь из-за того, что я непроизвольно ставил их рядом с пылающими кострами, и они мгновенно превращались в пепел.

* * *

То, что он был вынужден скрывать определенную часть своей жизни, придавало ему вид честного человека.

* * *

Салакру в примечаниях к VI тому своих драматических произведений рассказывает такую историю: "Девочка лет десяти заявляет: "Когда я вырасту, вступлю в самую жестокую партию". И на вопрос "почему" разъясняет: "Если у власти будет моя партия, мне нечего бояться, а если другая, я пострадаю меньше, потому что преследовать меня будет совсем не жестокая партия". Насчет девочки не очень верится. Но подобные рассуждения мне знакомы. Именно так рассуждает - про себя, но не без пользы для себя - французская интелигенция образца 1954 г.

* * *

Письмо к М. "Не проклинайте Запад. Я сам проклинал его в то время, когда он был в полном блеске. Но сегодня, когда он падает под бременем своих ошибок и своей слишком длительной славы, я не стану добивать его... Не завидуйте тем, на Востоке, кто принес ум и сердце в жертву богам истории. У истории нет богов, а ум, озаренный светом сердца, и есть тот единственный Бог, которому испокон века, под тысячу личин, поклонялись в этом мире".

* * *

Часто бывает, что из вполне добропорядочного человека выходит трусоватый гражданин. В основе подлинной храбрости всегда некое нарушение общепринятых норм.

* * *

Наши экзистенциалисты считают, что каждый человек сам отвечает за то, каков он есть. В таком случае в устроенном ими мире будут одни лишь сварливые старики и не найдется места состраданию. А ведь они заявляют, что борются против социальной несправедливости. Значит, все-таки есть люди, которые не несут ответственности за то, какие они: нищий не виноват, что он нищий. А калека, а дурнушка, а человек застенчивый? Так что же, вновь сострадание?

* * *

Когда в разговорах обо мне меня называли "начальником" (под чьим началом работа, в целом, шла успешно), меня так и распирало от дурацкого тщеславия. Но в глубине души все эти годы я просто умирал со стыда.

* * *

Бывают минуты, когда внезапная искренность равносильна непростительной потере контроля над собой.

* * *

Термоядерная бомба: в пределе это всеобщая гибель, и под этим углом зрения она тождественна человеческому уделу. Надо только принять правила игры. Вновь перед нами главнейшая и древнейшая проблема. Подойдя к бесконечности, мы начинаем все сначала. Еще одно несовпадение: всеобщее уничтожение исходит не от Бога, а от людей. Люди наконец-то стали богоявными, но лишь в своей жестокости. Значит, снова придется начинать тот древний бунт, но на этот раз против человечества. Уже требуют подать сюда нового Люцифера, который покончит с могуществом людей.

* * *

...Если сказать "у него нос тыковой" - так не говорят; а "нос грушей" то, что надо. Выходит, искусство - это правильно рассчитанное преувеличение.

* * *

Если бы я когда-то не уступил своей страсти, быть может, у меня остались бы силы на то, чтобы вмешаться в жизнь, что-то изменить в ней. Но я уступил, и вот я художник – и только.

Тетрадь № VIII,
август 1954 – июль 1958
26 октября 1954 г.

Сила, противоположная реакции, это не революция, а творчество. Мир постоянно находится в состоянии реакции, и, значит, ему постоянно грозит революция. Прогресс же, если он в самом деле есть, обусловлен тем, что при любых порядках творцы неустанно отыскивают такие формы, которые одерживают верх над духом реакции и инерции, и поэтому отпадает надобность в революции. Когда творческие люди перестают появляться, революция неминуема.

* * *

Жимолость: ее запах для меня связан с Алжиром. Он плыл по улицам, которые поднимались круто вверх, к садам, где нас ждали девушки. Виноградники, молодость...

* * *

Белые розы по утрам пахнут росой и перцем.

* * *

1-е ноября.

Часто читаю, что я атеист, слышу, как говорят о моем атеизме. Мне же все эти слова ни о чем не говорят, они для меня бессмысленны. Я и в Бога не верую, и не атеист.

* * *

Павезе: "Дураки мы набитые. Правительство оставляет нам свободы с гулькин нос, так мы и то бабам скармливаем".

* * *

Рембрандт: слава до 36 лет, т. е. до 1642 г. Начиная с этого года неуклонный путь к одиночеству и бедности. Редкий и весьма показательный опыт по сравнению с банальной судьбой непризнанного художника. О подобном опыте еще не говорилось.

* * *

В странах с тоталитарным режимом литература погибает не столько потому, что ею руководят, сколько из-за того, что она отрезана от других литератур. Любой художник, от которого исходно скрывают реальность во всей ее полноте, – становится калекой.

* * *

24 ноября. 10 часов.

Сегодня утром приехал в Турин. Уже задолго начал радоваться от мысли, что вновь окажусь в Италии. Мы не виделись с ней с 1938 года, когда я пожил здесь немножко. Потом война, сопротивление, "Комба" и все эти годы серьезных противоречий. Поездки, конечно, были, но ознакомительные, не для души. Мне все казалось, что в Италии меня ждет моя молодость, свежие силы, утраченный свет. Я хотел бежать из этого мира (из дома), который вот уже целый год по клеточке разрушает меня, хотел спастись раз и навсегда. Но вот вчера, когда поезд уже тронулся, я не ощутил прежней радости. Правда, я устал, и еще эта встреча с Гренье – мне-то хотелось поговорить с ним попросту, пообщаться, да вот не вышло, – а к тому же Х. не преминул на прощанье испортить настроение. Ночью спал урывками, но в промежутках, пока засыпал, мерещилось что-то очень хорошее.

В семь утра вдруг мысль: мы ведь уже в Италии. Вскакиваю, открываю штору: за окном снег и туман. Над всей Северной Италией – снег. Я сижу один в купе и хохочу, как полуумный. На улице не холодно. Тем не менее И. А., которая встречает меня на вокзале, уверяет, что она совсем закоченела. Своим милым неуверенным французским, своими спокойными грациозными движениями (чем-то напоминает маму), порозовевшая от холода, как цветок, пробившийся из-под снега, она понемногу возвращает мне Италию. Уже и до этого итальянцы, которые были в поезде, и вскоре те, что были в гостинице, согрели мое сердце. Народ, который я любил всегда и думая о котором я чувствую себя изгнаником среди вечно чем-то недовольных французов.

Из окна моего номера я гляжу, как над Турином идет и идет снег. Я все еще смеюсь над тем моим разочарованием. Но ко мне уже начинает возвращаться смелость.

* * *

Над Турином снег и туман. В египетской галерее ежатся от холода распеленутые мумии, которых когда-то вынули из песка. Люблю главные улицы, мощенные плиткой и такие просторные. Город, в котором возводили не только стены, но и пространства. Скоро я увижу и дом № 6 по улице Карло Альберто тот самый, где работал Ницше и где у него окончательно помрачился рассудок. Я никогда не мог читать без слез

filosoff.org

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 – декабрь 1959) рассказ Овербека о том, как он приехал сюда, вошел в комнату и увидел безумного Ницше, который что-то выкрикивал в бреду, а потом вдруг, рыдая, бросился в объятия Овербека. Стоя перед этим домом, я пробую думать о нем, о том, кого я нежно любил и кем одновременно восхищался, – но напрасно. Я лучше ощущаю его присутствие, гуляя по улицам, и мне понятно, несмотря на низкое хмурое небо, почему и за что он любил этот город.

* * *

Рассказ. Заключенные в концлагере выбирают папу, причем из тех, на чью долю выпало больше всего страданий, и больше не признают того, римского, который живет себе поживает в роскошном Ватикане. Своего они называют отцом, хотя он едва ли не самый молодой, во всем его слушаются и идут ради него на смерть, а в конце и он тоже умирает, защищая своих чад (или, наоборот, он всячески избегает смерти и бережет себя, потому что обязан заботиться о других, с этого и начать).

* * *

25 ноября.

Серенький туманный денек. Брошу по Турину. На холме – головы коронованных мертвцев. В самом городе, там, где широкие проспекты, несутся в туман бронзовые кони. Турин – город застывших в стремительном движении коней, ведь именно здесь Ницше, будучи уже не в своем уме, остановил на всем скаку лошадь, которую отчаянно хлестал возница, и исступленно целовал ее в морду. Ужин на вилле Камерана.

* * *

26 ноября.

Долго гулял по холмам в окрестностях Турина. Со всех сторон в густом тумане то появляются, то исчезают уходящие в небо снежные вершины Альп. В воздухе свежо, сырьо, пахнет осенью. Город внизу скрыт туманом. Все где-то далеко, я устал и счастлив, сам не знаю почему. Вечером лекция.

* * *

27 ноября.

Утром выехал в Геную, вместе с И. А.; поразительная все-таки девчушка чистая, прямая, отзывчивая и в то же время с характером, даже с какой-то сознательной самоотверженностью, что совсем уже необычно для такого юного существа. Она хочет "смеяться и жалеть". В качестве религии она выбрала веру в "отстраненную любовь". Отчетливое сходство с мамой, о которой я по-прежнему с грустью думаю. Сердце продолжает болеть от этой тяжелой, невероятной потери...

Над всем Пьемонтом и Лигурией – дождь и туман. Мы пересекаем горы, которые отгораживают лигурийское побережье, и повсюду лежит снег. Но вот позади четыре туннеля, и снег исчезает, зато по сбегающим к морю склонам хлещет дождь. Через два часа после приезда – лекция. Ужин во дворце Дориа. Старая маркиза, вся иссушенная, одни глаза и сердце. Выйдя, шагаю по умытой потоками воды Генуе, в которой так давно мечтал побывать. Сверкающий черный и белый мрамор, море огней на улицах, главные артерии – как везде.

* * *

С VI в. до 1800 г. население Европы никогда не превышало 180 млн. человек.

С 1800 до 1914 оно выросло со 180 до 460 миллионов!

* * *

Гумбольдт. Чтобы человек внутренне обогащался и совершенствовался, необходимо многообразие ситуаций. Поддержание такого многообразия и есть главное устремление подлинного либерализма.

* * *

В сегодняшней России наблюдается торжество индивидуализма в его циничной форме.

* * *

Орtega-и-Гассет. История – вечная борьба паралитиков и эпилептиков.

* * *

Всякое общество держится на аристократии, ибо сутью аристократизма является требовательность к самому себе, а без такой требовательности любое общество гибнет.

* * *

28 ноября.

Долго гулял по Генуе. Город невероятно располагает к себе и очень похож на тот, что остался у меня в воспоминаниях. Памятники сверкают великолепием в тугом корсете улочек, в которых так и кишит жизнь. Красота здесь рождается прямо на глазах, сама житейская повседневность лучится ею. Какой-то человек на углу распевает тут же сочиненные куплеты на злобу дня. Этакая поющкая газета.

Небольшой монастырь Сан-Маттео. Шквальный ветер словно приклеивает потоки дождя к широким листьям мушмулы. На какое-то мгновение чувствуешь, что я счастлив.

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 – декабрь 1959) filosoff.org
Теперь бы и начать новую жизнь.

Вечером: отъезд в Милан под проливным дождем. Прибытие – тоже в дождь. То, что здесь так любил Стендаль, давным-давно умерло.

* * *

29 ноября.

"Тайная вечеря" да Винчи – начало итальянского декаданса, это очевидно. Монастырь Сан-Амброджо. Лекция. Тем же вечером сажусь в римский поезд, не в силах дольше выносить дурацкую суэту, возникающую сразу же после лекций. Не выдерживаю и получаю всех этих кривляний. Не спал ночь.

* * *

30.

Утром, над полями в окрестностях Рима, наконец-то солнце – неяркое, но настроенное решительно. Тут, невесть с чего, на глаза наворачиваются слезы. Рим. Очередной идиотски-роскошный отель – точь-в-точь такой, как его обитатели. Завтра же перееду. Н., разглядываем с ним вместе рождение Венеры. Прогулка вдоль виллы Боргезе и Пинчо: на небе все как будто прорисовано тончайшей кисточкой. Отсыпаюсь. Последняя лекция. Наконец-то свободен. Ужин с Н., Силоне и Карло Леви. Завтра уже будет все хорошо.

* * *

С 1-го по 3 декабря.

Бываю города – такие, как Флоренция, небольшие тосканские или испанские городки, – которые сами носят того, кто в них попадает, поддерживают на каждом шагу, даже походку делают более легкой. Другие наоборот, сразу наваливаются, подавляют – как Нью-Йорк, – так что приходится заново учиться ходить прямо и видеть.

Рим из тех, что давят, но груз этот не тяжелый, а просто ощутимый, его носишь на сердце как некое целое, состоящее из фонтанов, садов, куполов, и от всего этого чувствуешь и стеснение в груди, и какое-то непонятное счастье. Этот город, не такой уж и большой, – хотя здесь за каждым углом может вдруг открыться захватывающая дух перспектива, – это чуткое замкнутое пространство дышит, живет не само по себе, но вместе с тобой.

Переехал из гостиницы в пансион на виллу Боргезе. Тут у меня есть терраса, которая нависает над садами и с которой открывается такой вид, что у меня от него каждый раз щемит сердце. После стольких лет, проведенных в городе, где нет света, где по утрам вечно туман, где кругом одни стены, я просто наглядеться не могу на эту линию деревьев на фоне неба между Порта Пинчана и Тринита-деи-Монти, за которой уже Рим раскручивает свои купола и свой беспорядок.

Каждое утро, выходя на террасу, еще не совсем очнувшись от сна, я с удивлением слышу пение птиц, оно настигает меня в сонных глубинах и попадает точно в то самое место, откуда вдруг высвобождается какая-то таинственная радость. Вот уже два дня стоит прекрасная погода, и в чудном сиянии декабряского солнца передо мной вырисовываются кипарисы и пинии с их [...].

Здесь мне становится жаль тех глупых и мрачных лет, что я прожил в Париже. Это было веление сердца, но я его больше не слушаюсь: для других проку от него никакого, а меня самого оно едва не погубило.

Позавчера на форуме, в его по-настоящему разрушенной части (возле Колизея), а не посреди той несуразной мешанины из вычурных колонн, расположившейся под Кампидольо, – затем на восхитительном Палатинском холме с его безлюдной тишиной, покоем, в окружении вечно рождающегося и вечно совершенного мира, ко мне начала возвращаться уверенность. Величественные картины прошлого – там, где природа смогла вобрать их в себя и приглушить их затаенный шум, – служат именно этому: укреплять силы, сердца, чтобы затем успешнее служить настоящему и будущему. Особенно это чувствуется на Аппиевой дороге, куда я добрался уже почти к вечеру, но гуляя по которой я ощутил, что сердце мое переполнено настолько, что мне придется вот-вот проститься с жизнью. Однако я знал, что она наверняка продолжится, что есть во мне сила, влекущая вперед, и что даже та остановка еще послужит этому продвижению вперед. (Год, в течение которого я не работал, был не в состоянии работать, хотя сюжетов было с десяток, один лучше другого, это точно, но я ни к чему не смог подступиться. Год уже прошел с того времени, я до сих пор не свихнулся). Неплохо было бы пожить в этом монастыре, в комнате, где умер Тассо.

Римские площади. Пьяцца Навона. Сант-Иньяцио, другие. Все они желтые. Розоватые бассейны фонтанов под барочным извержением воды и камней. Когда все уже посмотрел или, по крайней мере, увидел все, что мог увидеть, какое счастье просто пройтись, не ставя себе цели что-то узнать.

Вчера ночью возле Сан-Пьетро-ди-Монторио Рим в блеске огней был похож на порт, суэта и шум которого замирали у того берега тишины, где мы стояли.

* * *

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 – декабрь 1959) filosoff.org

Странно и невыносимо – знать наверняка, что красота в монументальном искусстве неизбежно предполагает рабство, что она тем не менее остается красивой, что красоту нельзя не желать и что невозможно желать рабства; рабство от этого не становится более приемлемым. Возможно, поэтому я превыше всего ставлю красоту пейзажа: она не оплачена никакой несправедливостью, и оттого на сердце ничто не давит.

* * *

3 декабря.

Великолепное утро на вилле Боргезе. Утреннее солнце, такое же, как в Алжире, просачивается сквозь тонкие иголки пинии, отделяя их одну от другой. Галерея тоже вся залита белесым светом, скульптуры Бернини меня очень развлекли: они очаровывают и ошеломляют, когда в них торжествует грация, как, например, в весьма сюрреалистической Дафнии (как направление в искусстве сюрреализм и был прежде всего контрнаступлением барокко), или же внушают отвращение, когда эта грация исчезает, как в наводящей тоску "Истине, явленной на Страшном Суде". Он еще живописец, притом проникновенный (портреты).

"Даная" Корреджо и в особенности "Венера, надевающая венок амуру" Тициана, написанная им в 90 лет и по-прежнему юная.

Во второй половине дня – картины Караваджо, но не те, что у Св. Людовика Французского, совершенно потрясающий контраст неистовости и немой плотности света. До Рембрандта. Особенно "Признание Св. Матфея": потрясающе. К. указал мне на постоянное присутствие темы молодости и зрелости. Моравия уже рассказывал мне раньше о Караваджо: совершил несколько преступлений, бежал из Тосканы на корабле, там его ограбили и выбросили на пустынном берегу, где он умер, сойдя с ума (1573-1610). Моравия рассказал мне тогда и истинную историю Ченчи, о которых он хочет написать пьесу. Беатриче похоронили под алтарем собора Св. Людовика Французского. И вот в Риме беспорядки, французская революция. Какой-то француз художник, санкюлот, участвует в разграблении собора. Снимают могильные плиты. Находят скелет Беатриче, тут же лежит и череп, отдельно от тела. Художник берет череп и, поддавая его ногой, словно мяч, выходит на улицу. Таков последний эпизод ужасной истории Беатриче Ченчи.

Ближе к вечеру возвращаюсь в Джаниколо. Сан-Пьетро-ди-Монторио. Да, этот холм – любимое мое место в Риме. Высоко в нежном небе – стаи скворцов, легкие, как облачка кружат во все стороны, носятся друг другу навстречу, рассеиваются по небу, затем вновь собираются, ныряют вниз, пролетают над самыми верхушками пиний и снова взмывают ввысь. Когда мы с Н. спускаемся с холма, мы обнаруживаем их уже на деревьях, в кронах платанов на Въяле дель Ре, на той стороне Тибра, причем в таком огромном количестве, что каждое дерево гудит и стрекочет, так как птиц на нем больше, чем листьев. В наступающих сумерках оглушительный щебет перекрывает все шумы этого многолюдного квартала, смеясь с позыванием трамваев, и заставляет всех с улыбкой задирать кверху головы, дивясь на огромные эти рои из листьев и перьев.

Высокий римлянин, обслуживающий меня в пансионе: брюнет, черты лица мягкие и благородные, держится просто, но с достоинством. Новелла. Любовь с художником. Полнейшее благородство с его стороны.

Написать текст в стиле барокко о Риме.

* * *

4 декабря.

Утро. Дворец Барберини. "Нарцисс" Караваджо и особенно мадонна, которую приписывают П. делла Франческа, на которая по манере, более хрупкой, на мой взгляд, принадлежит скорее Синьорелли. В любом случае великолепно.

С Моравиа и Н., обед в Тиволи и вся вторая половина дня на вилле Адриана – замечательное место. Вообще весь день просто чудесный, небо ясное, сочное, изливающее из всех своих уголков равное количество света на изнурительные кипарисы и высоченные пинии вокруг виллы. Так же равномерно освещены и сохранившиеся большие куски стен с их облицовкой в виде сот, из этих цементных ульев свет стекает уже каким-то густым медом. Здесь для меня становится еще нагляднее отличие римского света от любого другого, например, от флорентийского – более размытого, серебристого, короче, более духовного. Римский свет, напротив, полнокровный, лоснящийся, тугой. Сразу представляешь себе тела, довольство дородной плоти, сытость и зажиточность. Задний план кажется еще сочнее. И среди развалин птицы поют. Всех совершенства, перед которым с радостным удивлением понимаешь, что все уже сказано.

Ужин, Пьювене. После трех десятков встреч и разговоров я понемногу уясняю для себя истинное положение дел здесь. Сталкиваются не мнения, а кучки заговорщиков. Либералов мало, нищета, которую используют, и уже появляется безразличие.

В сорок лет по поводу зла уже не вопиют, о нем все известно, и кто как считает нужным, тот так с ним и борется. Тогда появляется возможность, ни о чем не

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 - декабрь 1959) filosoff.org забывая, заняться творчеством.

Движение ввысь, вознесение на фреске "Страшный суд", справа от алтаря, передано у Микеланджело через подчеркнутую тяжеловесность мускулов, отчего возникает неотразимое впечатление легкости. Чем эти тела тяжелее, тем они легче. Вот это и есть искусство.

В апартаментах Борджа Риторика на картине Пинтурикио изображена со шпагой.

Сердце немного щемит, как подумаешь, что Юлий II приказал уничтожить фрески Пьера делла Франческа (и других), чтобы его покой расписал Рафаэль; чем же заплачено за бесподобное "Освобождение Св. Петра"?

"Снятие с креста" Караваджо. Самого креста так и не видно; подлинно великий художник.

* * *

6 декабря.

День пасмурный. У меня температура. Сижу дома. Вечером виделся с Моравиа.

* * *

Роман.

Первый Человек заново проделывает тот же путь, и ему открывается его тайна: он не первый. Каждый человек - первый, и никто первым не является. Поэтому он бросается в ноги матери.

* * *

7 декабря.

Отъезд вместе с Никола и Франческо. Римская Кампания. Ф. так прекрасен, так от всего далек и в то же время прост и открыт. Деревня Цирцея. Прибыли в Неаполь. Обед в Понциуоли, в ресторане, как две капли воды похожем на Падовани. В Неаполе проливной дождь, от которого у меня поднялась температура. Вечером небо прояснилось.

* * *

8 декабря.

Проснулся с высокой температурой. Вчера вечером не смог закончить эти заметки. Однако довольно долго гуляли по "Барриос", за улицей Санта-Лючия. Точно бидонвиль на задах Елисейских полей. Через открытую дверь видно, например, как трое детей лежат в одной постели, иногда вместе с отцом, причем их нисколько не смущает то, что на них смотрят. Повсюду хлопает на ветру белье, придавая Неаполю постоянно праздничный вид, хотя на самом деле у людей просто не хватает белья и приходиться каждый день стирать. Это знамена нищеты. Вечером Н. Ф. Садимся в какую-то мокрую повозку, пахнущую кожей и лошадиным пометом. У мужской дружбы всегда приятный вкус. Н. везет нас в квартал Порта Капуана. Главная улица поднимается вверх. На каждом балконе стоит лампа с абажуром, из-за чего вся эта нищета имеет вид необыкновенно праздничный. Перед церковью - какая-то процесия. Развевающиеся знамена над небольшой толпой, которая топчется в грязной жиже из капустных листьев, оставшихся от утреннего рынка. Но главное - петарды. В честь каждого святого. Оглушительная пальба предшествует появлению Богоматери. В одном из окон какой-то сумасшедший с остановившимся взглядом механическим движением поджигает и швыряет в толпу одну за другой десятки петард, вокруг которых с визгом носятся дети, до тех пор, пока те не взорвутся. Гостиница для бедных. Весьма познавательно. Это Эскуриал нищеты...

* * *

8 декабря.

Целый день пролежал в постели, температура не спадает. Теперь уж, конечно, ни в какой Пестум я не попаду. Как только станет немного получше, возвращаюсь в Рим, оттуда в Париж и на этом все. Что-то все-таки есть между мной и греческими храмами. И каждый раз в последний момент что-то мешает мне до них добраться.

Впрочем, на этот раз ничего таинственного нет. Просто меня подкосил последний год. Наивно было надеяться, что я тут отдохну и, вернувшись, примусь за работу. Чем мчаться вдогонку за каким-то светом, который, как выясняется, я не в состоянии впитать, лучше было бы потратить год на укрепление здоровья и воли. Но для этого нужно хоть немного освободиться от всего, что меня угнетает. Такие вот постельно-больничные мысли у некоего путешественника, застрявшего где-то в Неаполе. Но уж какие есть. Хорошо хотя бы, что из постели мне видно море.

Художник, друг Ф., невежда редкостный, должен был изобразить для какой-то радиопрограммы "Страсти Св. Матфея" и выдал им святого в окружении красоток и игриво подмигивающих ангелов.

* * *

9 декабря.

Проснулся - температура спала. Но во всем теле ломота и голова гудит. Все же решил ехать (как обычно в таких случаях, извлекаю энергию из предположения чего-то худшего: посадили в тюрьму и т. п.). Выезжаем прекрасным солнечным утром. Сорренто (и изумительный сад Кокумеллы), Амальфи, немного похожий на

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 – декабрь 1959) filosoff.org
декорацию, там обедаем, затем я сменяю за рулем уставшего Ф.; солнце садится, когда, проехав через какую-то промышленную зону, а затем через любопытную местность, напоминающую Лимбы (высокий тростник, тощие, оципанные деревья), мы въезжаем в Пестум. Тут сердце умолкает.

(Позднее). Попробую воспроизвести наш приезд, ближе к вечеру. Встретила нас придорожная гостиница, невдалеке от развалин, а в ней – старая добрая комната на три кровати, неоглядные выбеленные стены; грубовато, зато чисто, это уж точно. Ко мне привязалась местная собака. Солнце уже село, когда мы, убедившись, что ворота закрыты, перелезли через городскую стену и очутились среди развалин. Свет шел от моря, оно плескалось совсем рядом и было еще голубым, хотя над холмами на берегу уже стемнело. Когда мы подошли к храму Посейдона, оттуда с невероятным карканьем и хлопаньем крыльев вылетели расположившиеся на ночлег вороны, которые принялись кружить вокруг храма, метаться в разные стороны, а затем улетели куда-то, словно бы предварительно поприветствовав чудесное появление перед нами некоего существа, сделанного из камня, но вполне живого и незабываемого. И поздний час, и эти черные силуэты кружящих ворон, и доносящееся время от времени пение какой-то птицы, и это пространство между морем и холмами, и эти неостывшие чудеса, благодаря всему этому, а еще от усталости и волнения я был на грани того, чтобы разрыдаться. А потом – один непреходящий восторг, в котором все умолкло.

Вечер, тишина, вороны, как птицы в Лурмарене, а еще кошка, мои слезы, музыка.

Утром, в Типазе, роса на руинах. Сама молодость и свежесть в сочетании с глубочайшей древностью. В этом и заключена моя вера, в этом и есть, по-моему, главный принцип искусства и жизни.

* * *

10 декабря.

Вчера же, пройдя через тростниковые заросли, городские стены и стадо буйволов, вышли к пляжу. Глухой и все более мощный шум моря. Ночной пляж, теплая вода, серое светлое небо. Когда шли назад, стало накрапывать, а шум моря постепенно затихал. Буйволы попереминались немного и, опустив головы, застыли, как ночь. До чего же хорошо.

Засыпаю, перед тем наглядевшись в окно на очертания храмов в夜里. В комнате, которая так мне понравилась, с ее толстыми голыми стенами, жутко холодно. Мерз всю ночь. Утром открыл окна, над развалинами дождь. Через час, когда мы выходим из дома, небо уже голубое, все сияет свежестью и великолепием.

Не перестаю восхищаться этим храмом с его огромными колоннами, пористо-розовыми, пробково-золотистыми, его воздушной грузностью, его неотменимым присутствием. К воронам добавились другие птицы, но по-прежнему над храмом нависает их черное беспорядочно хлюпающее покрывало и хриплое карканье. Свежий аромат низеньких гелиотропов, которыми укрыто все пространство вокруг храма.

Шумы: вода, собаки, мотороллер вдали.

Сердце сжимается, но это не грусть от созерцания развалин, а безнадежная любовь к тому, что вовек пребудет вечно юным, любовь к будущему.

Все еще среди развалин между холмами и морем. Трудно оторвать себя от этих мест, где впервые после Типазы я ощутил полное забвение себя самого.

* * *

10 декабря.

Продолжаю. Все-таки мы уезжаем, и спустя несколько часов Помпея. Интересно, конечно, но ничуть не трогает. В римлянах может быть утонченность, но цивилизованность – никогда. Это адвокаты и солдаты, которых, Бог знает почему, путают с греками. Они и есть первые и подлинные разрушители греческого духа. Побежденная Греция, к сожалению, не смогла победить их в свою очередь. Ибо они, заимствовав у великого этого искусства темы и формы, так и не сумели подняться выше холодных подражаний, которых лучше бы и вовсе не было, чтобы наивность и блеск греков явились бы нам без посредников. После храма Геры в Пестуме вся античность, усеивающая Рим и Италию, разлетается на куски, а вместе с ней и вся эта комедия ложного величия. Я всегда инстинктивно чувствовал это, и у меня ни разу не забилось сердце ни от одной латинской поэмы (даже от Вергилия – восхищался им, но не любил), хотя оно неизменно сжимается, стоит сверкнуть какому-нибудь трагическому или лирическому стансу, созданному в Греции.

На обратном пути из Помпеи, этого бережно хранимого Бухенвальда, привкус пепла на губах и растущая усталость. Ведем машину с Ф. по очереди, и к 21 ч. я в Риме, совершенно разбитый.

* * *

11 декабря.

Почти целый день в постели. Неспадающая температура ко всему отбивает охоту. Здоровье надо поправить, во что бы то ни стало. Мне нужна моя сила. Не хочу,

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 - декабрь 1959) filosoff.org
чтобы жизнь казалась мне легкой, наоборот, мне хочется быть ей под стать, если
уж она трудна. Если я собираюсь идти туда, куда иду, нужно править самому. Во
вторник уеду.

* * *

13 декабря.

Снова Караваджо. Санта Мария дель Пополо. Да и грустно в Риме, на его слишком
высоких, слишком тую натянутых улицах. Потому-то и площасти здесь так прекрасны
- они освобождают, барокко торжествует над римским стилем. Взять хотя бы эти
парные изваяния римской эпохи, у которых есть одна общая черта - все точно аршин
проглотили. Сгущающиеся сумерки заползают в пространства между дворцами и
облизывают горделивые фасады. Вечером М. рассказывает мне о Бранкати, о его
смерти. Ужинаю один.

* * *

14 декабря.

Экзистенциализм. Когда они обвиняют друг друга, можно быть уверенными, что
делается это для уличения всех остальных. Судьи на покаянии.

Подлинная история предательства начинается с Луки, это он заставил умолкнуть
отчаянный крик агонизирующего Христа.

* * *

Мораль. Не брать того, чего не желаешь (трудно).

Я всегда надеялся стать лучше, всегда собирался поступать соответственно.
другое дело, выполнил ли я это.

Был ли для меня брак лишь более утонченной разновидностью чувственного
поведения? Был.

Если я распускаюсь, она вянет. Она может жить только отталкиваясь от моего
увядания. То есть мы на противоположных психологических полюсах.

Противоположность подпольного человека: незлопамятный. Но катастрофа та же.

Мир сейчас так извивается, точно перерезанный пополам червяк, только потому,
что потерял голову. Он ищет себе аристократов.

* * *

Первый Человек. С Симоной. Целый год он не может овладеть ею. И вот побег. Она
рыдает, и с этого все начинается.

Все из-за моей врожденной неспособности быть просто обывателем, причем
обывателем довольным. Едва в моей жизни появляются малейшие признаки
стабильности, я прихожу в ужас.

В конечном счете мое основное превосходство над всякими проходимцами
заключается в том, что во мне нет страха смерти. Я к ней испытываю отвращение,
ненависть. Но умереть не боюсь.

Суть предательства левой интеллигенции. Раз их главная цель - чтобы СССР
неуклонно следовал принципам революции, постепенно устранивая их нарушения, то
какой смысл русскому правительству отказываться от своих тоталитарных методов,
если ему заранее известно, что они так или иначе будут оправданы. На самом деле
только открытая оппозиция западных левых способна заставить это правительство
задуматься, если оно вообще сможет или захочет это сделать. Но дело опять же в
том, что предательство нашей интеллигенции объясняется уже никак не ее
глупостью, а кое-чем другим.

Почему не устоять перед удовольствием считается более предосудительным, чем не
устоять перед болью? В последнем случае урон иногда бывает несравнимо большим.

* * *

Дон Жуан. Безбожник-моралист обретает веру. С этого момента все позволено, ибо
есть некто, который способен простить то, что не прощают люди. Отсюда и
безоглядное распутство, увенчанное живой верой.

Влечеие к творчеству так сильно, что те, кто на него не способен, выбирают
коммунизм, обеспечивающий им творчество целиком коллективное.

* * *

17 февраля.

Прилет в Алжир. С самолета, летевшего вдоль моря, город точно пригоршня
сверкающих камешков, рассыпанных у моря. Сад отеля Сен-Жорж. О радушная ночь,
вновь я вернулся к ней, и она, как и прежде, верна мне и рада меня принять.

* * *

18 февраля.

Как прекрасен утренний Алжир. Жасмин в саду Сен-Жоржа. Вдыхаю его запах и
наполняюсь радостью, молодостью. Спускаюсь в город, все так свежо, полно
воздуха. Чуть вдали поблескивает море. Счастье.

Смерть калеки Франсуа. Из клиники его выписали домой с раком языка. В агонии,
один в своей конуре, захаркивает всю стену кровью и все стучит кулаком в эту
толстую, в кровавых потеках стену, отделяющую его от соседей.

* * *

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 - декабрь 1959) filosoff.org
23 февраля.

Проснулся оттого, что солнце заливает мою постель. Весь день как хрустальный кубок, переполняемый непрерывно льющимся золотисто-голубым светом.

* * *

26 апреля.

Отъезд из Парижа. Грусть и опустошенность из-за Х. Альпы. А на море острова, медленно выплывающие навстречу один за одним: Корсика, Сардиния с виднеющейся Эльбой и Калабрия. Цефалония и Итака почти не видны в сумерках. Затем берег Греции, но в ночи, мускулистая ладонь Пелопоннеса предстает темным и таинственным континентом, покрытым ковром подснежников со слабо мерцающими вдалеке снежными пиками. Несколько звезд на еще светлом небе и затем месяц. Афины.

* * *

27.

Когда встаю, ветер, облака и солнце. Кое-какие покупки. Мой очаровательный переводчик, 21 года, такой свежий - просто прелест (я сказал вам, что буду возле гостиницы, но оказалось, что это не так, и я всю дорогу бежал, чтобы не опоздать, поэтому я так запыхался), он меня обезоружил, и я его усыновляю.

Акрополь. Ветер разогнал все облака, и с неба льется необычайно белый, пронзительный свет. При этом все утро не покидает странное чувство, что я здесь уже очень давно и вообще у себя дома, даже непохожесть языков не смущает. Это впечатление еще более усиливается, когда, поднимаясь на Акрополь, вдруг констатирую, что иду туда просто "по-соседски", без особых чувств.

Наверху - совсем другое дело. Эти храмы и эти лежащие на земле камни, до костей отшлифованные ветром, подставляют себя полуденному солнцу, которое обрушивается на них с высоты, отскакивает, разлетается вдребезги мириадами раскаленных добела клинков. Свет вонзается в глаза, заставляя их слезиться, стремительно и с болью проникает в глубь тела, опустошает его, выскабливая все внутри и одновременно распластывая, точно для прямого, физического насилия.

Постепенно привыкнув, глаза начинают открываться, и необузданная (да-да, именно это меня и поражает - необычная для классицизма дерзость) красота этого места заполняет собой все существо, до самых глубин вычищенное светом.

Тогда и темно-красные маки, каких я никогда раньше не видел и один из которых вырос отдельно от всех прямо на голом камне, и сиреневые мальвы, и идеально вычерченные линии всего пространства до моря. И лицо второй Коры, и грациозная поза третьей, на Эрехтейоне...

Здесь постоянно борешься с мыслью о том, что совершенство было достигнуто уже тогда, и с тех пор мир лишь клонился к упадку. И мысль эта подавляет все прочие. Однако нужно продолжать бороться с ней, снова и снова. Мы хотим жить, а поверить в это равнозначно смерти.

Во второй половине дня - Химеттос, благородного лилового цвета. Пентелик.

19 ч. Лекция. Ужин в таверне, в одном из старых кварталов.

* * *

29.

Утро. Национальный музей. В нем собрана вся красота мира. Я знал заранее, что Коры заденут меня за живое, но они так меня всколыхнули, что я до сих пор под впечатлением. Мне разрешили спуститься в подземные хранилища, куда поместили некоторых из них, чтобы уберечь от разрушения во время войны. И там, в этих подвалах, куда их забросила история, покрытые пылью и соломой, они все так же улыбаются, и эта улыбка, через двадцать пять столетий, согревает, придает сил и мудрости. Надгробные стелы тоже, подавленная боль. На одной из черно-белых ваз безутешный покойник и не в состоянии смириться с тем, что больше не увидит солнца и моря. Выхожу как бы опьяненный и расстроенный этим совершенством.

Затем отправляюсь в Сунион. И в середине дня свет еще не совсем прозрачный, как будто слегка затуманенный, но пейзажи, хотя и не бескрайние, восхищают именно ширью, простором. По мере приближения к Суниону свет точно свежеет, молодеет. Но на мысу, у подножия храма, только ветер и больше ничего. Сам по себе храм оставляет меня равнодушным. Мрамор слишком белый, похожий больше на искусственный. Но мыс, на котором он воздвигнут, выступающий в море, как полуют корабля, с которого острова в открытом море кажутся эскадрой, а справа и слева, набегая на песок или разбиваясь об утесы, пенятся волны, - все это не поддается описанию. Ветер яростно свищет среди колонн, и создается впечатление, что ты в каком-то ожившем лесу. Смешав голубой воздух с морским, добавив к этому все буйство запахов, сдуваемых с холмов, покрытых мелкими, свеженькими цветочками, ветер яростно и неустанно треплет над нашими головами голубые полотнища, сотканные из воздуха и света. Если устроиться у подножия храма и укрыться от ветра, свет сразу же становится более прозрачным и даже похожим на застывший фонтан. Вдалеке качаются на волнах острова. Птиц не видно. Бурунчики на море до

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 - декабрь 1959) filosoff.org
самого горизонта. Краткий миг блаженства.

Полное блаженство, если забыть об острове, что напротив, - Макронисос. Сейчас там никого, но когда-то на него ссылали людей, и мне рассказывали об этом страшные вещи.

Обедаем рыбой и сыром, тут же внизу, на небольшом пляже, глядя на большие рыбакские суда в местном порту. Часам к трем цвета становятся все насыщеннее, острова принимают четкие очертания, на небе спокойствие. Вот она, высшая ясность света, самозабвение, когда все - хорошо. Но надо ехать лекция. С болью отрываю себя от этих мест, но уезжаю отсюда как бы не совсем.

Покидая мыс и выезжая на дорогу, еще раз видим Макронисос. На всем обратном пути самый изумительный свет, который я здесь видел, над оливковыми рощами, смоковницами с густо-зелеными листьями, над редкими кипарисами и эвкалиптами.

Лекция. За ужином удается узнать кое-что новое о депортации. Цифры вроде бы сходятся. Количество депортированных не превышает 800-900. Этим-то и нужно заняться.

* * *

Вложенное письмо.

дорогой мой Х.

Мое нынешнее молчание касается меня одного. Оно связано с обстоятельствами слишком личными, чтобы я мог объяснить их вам. Впрочем, вы еще всему этому порадуетесь, узнав, что если бы я собрался высказаться, я говорил бы не те слова, которых вы ждете, и не стремился бы доставить кому-то удовольствие. Да и в деле, вас интересующем, адвокатов набежало даже больше, чем нужно (должен, однако, признать, что в данном случае они смотрелись не очень убедительно). И все же ваше письмо побуждает меня сказать то, что я давно уже собирался вам сказать. А именно: в великом противостоянии, расколожившем ХХ столетие, вы сделали выбор.

Ведь вам известно, например, что Восточная Германия уже давно перевооружается и что в ней действует, как на Западе, кое-кто из бывших нацистских генералов. СССР не раз признавал за Германией право иметь собственные вооруженные силы. На это вы не говорите ни слова. То есть если такое перевооружение проходит под контролем СССР, вы его допускаете, а если речь заходит о Западе, вы категорически против. И так во всем. Вы бы даже согласились (задайте себе этот вопрос) на установление во Франции народной демократии при поддержке Красной Армии (а я вам напомню, что я сам всегда защищал коммунистов от "атлантизма", проявлявшегося во внутренней политике). Всякий раз, когда мне говорили или писали об этих проблемах, мне было и без слов ясно, на чьей вы стороне, ваш праведный гнев неизменно направлялся лишь против преступлений наподобие, скажем, дела Розенбергов, но он уступал место какому-то двусмысленному молчанию, едва речь заходила о том, что коммунистический режим в Германии подавил очередное выступление рабочих (последнее событие особенно важно, оно мне представляется своего рода тестом - болезненным, но окончательно прояснившим позицию левой интеллигенции).

Итак, на мой взгляд, ваш выбор сделан. А раз он сделан, для вас было бы вполне естественным вступить в коммунистическую партию. Я вас за это никогда не упрекну. Я не пытаю презрения к коммунистам, хотя считаю, что они совершили смертельную ошибку. Но у меня его в избытке по отношению к тем интеллигентам - на самом деле таковыми не являющимися, - которые режут нас без ножа своими душераздирающими метаниями, точно духовные пастиры в миру, а на поверку успокаивают свою совесть за счет простых рабочих.

Сделайте же наконец то, к чему вас так тянет, будьте последовательны. А там увидите. Вы заняты постоянным сравнением двух вещей, из которых со всей определенностью можете судить лишь об одной, о том обществе, в котором мы живем, - а другую не знаете совершенно. Коммунистическая партия не поможет вам лучше узнать страны народной демократии. Отнюдь нет. Но она поможет вам ближе познакомиться с коммунизмом, о котором вы знаете лишь понапластике. Если в нем вы обретете мир, если он станет для вас неким жизненным правилом, тем лучше. В противном случае хорошо уже будет то, что вы глубже вникнете в суть проблемы.

Повторю вам еще раз мои соображения, дабы избежать любых неточностей. Перевооружение Германии должно быть осуждено в обоих случаях, иначе это обман и больше ничего. Я по-прежнему считаю, что ничем невозможно оправдать помочь франко, или "банановую" политику в Южной Америке, или колониализм, а потому я не приемлю эту банановую политику в отношении Франции, уготовляемую для нее Россией при безусловной поддержке французской коммунистической партии. И вообще я принципиальный противник любых начинаний и методов социал-царизма, как я его называю.

Впрочем, все это вам хорошо известно. Просто книги мои значили для вас гораздо меньше, чем вы о том говорите. Более реальной была ваша ко мне симпатия. Но у

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 – декабрь 1959) filosoff.org
того, кто уходит в религию, тоже были и друзья, и мать, и все же он оставляет
их. В том-то и дело, что я не могу подобрать другого определения, кроме как
церковь, для того ортодоксального учения, к которому вы приобщаетесь, вступая в
компартию. Здесь не может быть сомнения, напротив, положа руку на сердце, вы
непременно признаете, что искушение коммунизмом для интеллигента совершенно
равнозначно искушению религиозной верой. Ничего постыдного тут нет при условии,
что вы отдаетесь этому сознательно и честно. Что касается меня, то можете
по-прежнему рассчитывать на мою дружбу, пусть и не такую близкую. Если исполните
задуманное, прошу лишь об одном: когда вам будут говорить, что объективно – так
это называется – я являюсь презренным фашистом, нет, не опровергайте это, все
равно не получится, но попробуйте хотя бы так не думать. От всего сердца желаю
успехов и остаюсь верный вам...

* * *

Вечером – танцы в "Безумном Джонни". Изо всех сил пытаюсь вызвать в себе
интерес к этим танцам, но слишком уж некрасивы танцовщицы, особенно женщины.

* * *

3 мая.

С утра работал. В час дня отъезд в Дельфы. Свет все такой же, но горы гораздо
ниже, каменистые, без единого деревца. Здесь особенно ясно чувствуешь, что
Греция – это прежде всего пространство, где линии могут быть изогнутыми или
пряммыми, но они всегда очень четкие. Земля дает очертания небу, но небо, в свою
очередь, не стало бы таким без этих изгибов рельефа, которые, изящно замыкаясь,
образуют свое собственное пространство. Поэтому каждая миля здесь – граница двух
царств: земля является двойником неба. Въезжаем в ложбину, и тут единственное
облачко, на глазах раздувшись, лопается и на несколько секунд устраивает бурю.
Крупные градины расстреливают машину с оглушительным шумом. Минут через пять,
покинув ложбину, мы вновь обретаем ясное небо и весело мчим дальше.

Дельфы. Величие исходит от этих мест, но что поражает прежде всего могучая
темно-зеленая река, несущая через всю широкую долину к морю какие-то мускулистые
крупы. Такими сверху предстают оливковые рощи, в которых деревья растут почти
вплотную, сливаются в сплошную, уходящую к горизонту колышающуюся дорогу. Что
касается развалин, то они все мокрые – гроза прошла и над Дельфами. Камни словно
бы немного ожили среди ставших более яркими цветов и зазеленевшей травы. Высоко
в небе пролетает и скрывается из виду черный орел. Дневное напряжение спадает, и
с вершин утесов уже стекает нежное спокойствие, предвещая наступление вечера.
Вернулся на стадион, откуда вышел счастливым.

Вечер. В бузуки четверо греков вежливо приглашают меня присоединиться к их
танцу. Но движения слишком сложные. Было бы время, я бы с удовольствием разучил
их. Из моего окна видно, как долина наполняется темнотой, до самого ожерелья
огоньков вдоль берега. Луна, словно укутанный в легкую шаль, обсыпает горы и
темные впадины тонко рассыпанным светом. Хорошо в этой тишине – как на просторе.

* * *

5 мая.

Работал. Обед с Тернером и полковником Брамблом (во всяком случае, этот человек
очень на него похож). Церкви в византийском стиле. Павлины в небольшом
монастыре. Св. Давид, Св. Георгий. Св. Дмитрий. Двенадцать апостолов (Св. София
невыразительна). Вообще, надо признать, византийское искусство мало меня
трогает. Но мне интересна эта эволюция от V в. к XII в., позволяющая
восстановить цепочку между эллинистическим периодом и Кватроченто. Мозаики и
фрески в церкви Двенадцати апостолов, например, уже далеки от иератической
жесткости, характерной для этого типа искусства в первые века его существования.
По ним можно предсказать появление Дуччо. Немного позднее (вечером) расспрашиваю
одного специалиста, от которого узнаю, что после падения Константинополя
византийские художники переехали в Италию.

Таким образом, влияние Востока понемногу ослабевало.

Вечер. Лекция. Трогательная девушка. Прием в университете. Ночью выхожу на
балкон моей комнаты и отдыхаю, глядя на порт, кайки, море вровень с набережной и
вдыхая чудесный солоноватый запах ночи.

* * *

6, 7, 8 мая

Обед с Т. с видом на море, на вершине утеса. Блаженство. Т. играет мне из
последних своих сочинений. Пора уезжать. Самолет. Спорады проплывают под нами
посреди сверкающего моря. Ужин с Мерлье. Ближе к полуночи за мной заходит д., и
мы мчим в Пирей, где нас уже ждет Г-н Альгадес со своей симпатичной одномачтовой
яхтой. Веселый добродушный толстяк. Выходим из Пирея, пепельная луна озаряет
море каким-то нереальным теплым светом. Какое счастье снова слышать, как бьется
вода за кормой, видеть, как вспенивается рассекаемая форштевнем легкая волна.

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 - декабрь 1959) filosoff.org
Однако очень скоро мы замечаем, что прямо из моря появляется туман, ярусами поднимается вверх, плотнеет и понемногу заволакивает горизонт. Становится промозгло. Альгадес уверяет, что такого он на архипелаге еще не видывал. Он меняет курс, чтобы обогнуть два небольших острова. Спускаюсь, чтобы лечь, но не могу заснуть до шести часов. Еще через пару часов просыпаюсь и выхожу на мостик. По-прежнему туман. Альгадес и его матросостояли на вахте всю ночь, опасаясь наткнуться на скалы. Солнце постепенно поднимается, показывается вначале довольно робко, но потом пробивает туман и в конце концов рассеивает его. К одиннадцати часам мы мчимся (без парусов, так как ветра нет) по застывшей глади моря вискрящемся прозрачном свете. Воздух так чист, что, кажется, малейший шум долетит до самого горизонта. На мостике становится жарко, солнце печет все сильнее. Показывается первый остров. Из-за того, что курс был изменен, мы теперь проходим между Серифосом и Сифаносом. На горизонте виднеется Сирос и другие острова. На фоне неба их контуры четки, как на чертеже. На перевернутых обтекателях островов налипли деревушки, точно ракушки или солевые отложения, оставленные отступившим морем.

Островки желтеют, словно снопы пшеницы на синеве моря.

Мы проплываем среди этих далеких островов по сияющему морю, на котором появляется уже легкая рябь, долго идем вдоль Сироса, затем возникает Миконос, и к середине дня все яснее проступают его очертания, напоминающие голову змеи, повернутую в сторону Делоса, который пока что заслонен Ринией. Заход солнца застает нас почти в центре кольца островов, которые начинают изменять свои цвета. Тускло-золотой, цикламеновый, зеленовато-сиреневый, цвета становятся насыщеннее, но затем переходят в сплошной темно-синий на фоне еще мерцающего моря. Удивительное и необыкновенное успокоение воцаряется над водным простором. Наконец-то, вот оно, счастье, такое, что ком к горлу подступает. Хочется удержать, не упустить неизъяснимую эту радость, хотя я прекрасно знаю, что она исчезнет. Но уже столько дней она подспудно здесь, и сегодня так явственно сжимает мне сердце, что мне начинает казаться, что теперь я смогу вызывать ее, когда захочу.

Когда мы причаливаем к Миконосу, уже ночь. Церквей здесь не меньше, чем домов. Все белые. Бродим по узким улочкам мимо разноцветных лавок. По темным улицам растекается запах жимолости. В слабом свечении луны белеют террасы. Мы возвращаемся к яхте, и я ложусь такой счастливый, что не чувствую усталости.

С утра над белыми домами Миконоса просто божественный свет. Мы снимаемся с якоря и идем на Делос. Море прекрасно, сквозь прозрачную чистоту виднеются глубины. Приблизившись к Делосу, сразу же замечаем гроздья маков на склонах.

Делос. Изображения львов и быков повсюду на этом острове животных, потому что кроме них есть и змеи (...), и крупные ящерицы, у которых тело темное, а хвост и голова светло-зеленые, и дельфины на мозаиках. Мрамор, из которого сделаны львы, так изъеден, изрыт под воздействием воды и ветра, что стал похож на каменную соль, и вид у львов немного призрачный: кажется, что они растворятся от первого же дождя. Кроме того, этот остров львов и быков покрыт потемневшими хрупкими останками, и среди этих останков-руин попадаются замечательные в своей свежести находки ("Отдыхающий Дионис").

Остров руин, но и цветов тоже (маки, выонки, левкои, астры). Остров изувеченных богов из музея (небольшой курс). В полдень поднялись на вершину Кинфа - вокруг заливы и бухты, свет, преобладание красного и белого; кольцо Киклад медленно вращается вокруг Делоса в своеобразном танце на месте, среди сияющего моря. Этот мирок островов, такой тесный и в то же время обширный, представляется мне сердцем всего мира. И в самой сердцевине этого сердца возвышается Делос и та вершина, на которой я стою и с которой оглядываю освещенное безукоризненно чистым светом идеальное кольцо - границу моего царства.

Спустя какое-то время возвращаюсь к шлюпке, на причале прелестная, очень просто одетая девушка-гречанка. Отчаливая, машу ей на прощанье рукой, и она сразу же с очаровательной улыбкой машет мне в ответ. Добравшись до яхты, раздеваюсь и ныряю в прозрачную зеленоватую воду. Вода ледяная, и, сделав несколько гребков, я вылезаю. Идем обратно на Миконос. Чувство бесконечной свободы рождается от этого плавания по морю взад-вперед, от одного острова к другому. Причем свобода эта ни в коей степени не становится ограниченной от того, что сам мир островов имеет пределы. Наоборот, в их кольце свобода ликует. Ведь свобода для меня не в том, чтобы прорвать это кольцо и взять курс на Суматру, а в самом бесконечном переплывании от пустынного острова к поросшему деревьями, от скалистого к цветущему.

Прибыв на Миконос, идем за покупками. Ночью город мне больше понравился. Вновь выходим в море уже довольно поздно. Смутная печаль, похожая на ту, какая бывает от любви, при виде Делоса и Кинфа, понемногу скрывающихся за Ринией. Со мной такое впервые: покидаю землю, которую полюбил, с тяжелым чувством, будто больше

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 - декабрь 1959) filosoff.org
ее не увижу в этой жизни. Сердце ноет. Вновь меняющиеся цвета моря и островов.
(...) паруса, которые мягко похлопывают от слабого ветра. Не успеваем мы вкусить
покоя, воспаряющего от моря к небу, с которого льются последние капли света, как
из-за скалистого островка выплывает луна. Она быстро взмывает в небо, и вскоре
вся водная гладь освещается. До полуночи смотрю я на эту луну, прислушиваюсь к
парусам, внутренне следя биению волн о борт судна. Вольная жизнь моря,
счастливые дни. Здесь все забывается и все начинается снова. Чудесные дни,
проведенные на воде, в порхании средь островов с их цветами и колоннами, в этом
неустанном свете, - я храню их привкус, они в моем сердце, второе в жизни
откровение, второе рождение...

Утром - крепкий ветер, паруса хлопают, ход убыстряется, мы мчим к Пирею в шуме
воды и скрипе снастей. Световой дождь, чьи крупные капли упруго скачут по
поверхности утреннего моря. Я в отчаянии от того, что покидаю архипелаг, но даже
само это отчаяние благотворно.

* * *

13 мая

Когда сейчас в Афинах перед отъездом я оглядываю эти двадцать дней поездок по
Греции, они видятся мне одним неиссякаемым источником света, который я буду
хранить в средоточии моей жизни. Греция теперь для меня - это один длинный
сверкающий день, за который я успеваю побывать везде, и это также огромный
остров, сплошь в красных цветах и искалеченных статуях богов, неутомимо
дрейфующий в светоносном море под прозрачным небом. Удержать этот свет,
вернуться, не поддаваться больше тьме дней...

* * *

14 мая

Отплываем на Эгину. Море спокойное. Голубое теплое море. Небольшой порт. Каики.
Восхождение на Афайю. Три храма, образующие висящий в воздухе голубой
треугольник: Парфенон, Сунион, Афайя. Дремлю на ступенях храма в тени колонн.
Долго купаемся в Айя Марина, в уютной теплой бухточке. Вечером в порту продают
крупные, с дурманящим запахом лилии. Эгина - остров лилий. Возвращаемся. Солнце
садится, прячется в облака, превращается сначала в золоченый веер, затем в
огромное колесо, испускающее ослепительные лучи. И снова остаются дрейфовать
острова, которые я покидаю теперь уже окончательно. Глупо, но хочется плакать.
Вечером Варигерес и китайский театр теней.

* * *

16 мая

Отъезд в Париж, с тяжелым сердцем.

* * *

Роман. Он смотрел на сверкающий в ослепительном солнце снаряд, в котором был
спрятан мотор. И вновь в нем начала проклевываться, безотчетно журчать ручейком
та таинственная радость. То была радость делоса, круговое движение, красное и
белое, вращающееся кольцо. В самолете, который потерял управление и теперь
пикировал в сторону моря, над едва показавшимися всходами, жизнь начиналась
сначала, неотличимая от близкой смерти.

* * *

6 ноября 56 г.

Перед лицом постоянной угрозы всеобщего уничтожения в войне - а, значит,
отсутствия будущего - какие моральные принципы могут позволить нам жить только в
настоящем? Честь и свобода.

* * *

Я из тех, кого Паскаль потрясает, но не переубеждает.
Паскаль - величайший из всех, и вчера, и сегодня.

* * *

Джорджоне - художник музыкантов. Его сюжеты, сама его живопись, текучая, без
четких контуров, длящаяся, придающая женственность всему, особенно мужчинам.
Сладострастие несовместимо с сухостью.

Венеция в августе, стаи туристов, слетающихся вместе с голубями на площадь Св.
Марка, поклевывают впечатления, обеспечивая себе приятный отпуск и круги под
глазами.

* * *

Урбино. Все эти маленькие городки - наглухо закрытые, строгие, молчаливые,
ревниво охраняющие свое совершенство. В окружении суровых стен равнодушные
персонажи "Бичевания" вечно ждут, расположившись напротив ангелов и высокомерной
мадонны кисти делла Франческа. Сан-Сеполькро. Христос воскрес. И вот, уже выйдя
из гроба, он стоит рядом в позе несгибаемого борца. Еще несколько фресок Пьери
делла Франческа. Долина Сан-Сеполькро, куда хорошо возвращаться под конец жизни.
Просторная, ровная, под спокойным небом, она словно хранит тайну.

Вновь возвращаюсь к морю, теплому и ласковому.

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 – декабрь 1959) filosoff.org
Вес Св. Креста. Мадонна дель Парто.

Под конец моей жизни я бы хотел вернуться на эту дорогу, что ведет в долину Сан-Сеполькро, не спеша пройти по ней, спуститься в долину, глядя по сторонам на хрупкие оливковые деревья и стройные кипарисы, подыскать себе дом с толстыми стенами, хранящими прохладу, а в нем – простую комнату с узким окном, в которое я мог бы смотреть на то, как в долину спускается вечер. Я хотел бы побывать еще раз в саду Прато в Ареццо и как-нибудь вечером пройти по крепостной стене, как это делали часовые, и смотреть на несравненный этот край, погружающийся в ночь. Я хотел бы... Всегда и везде во мне это желание оставаться в одиночестве, непонятное мне самому, точно предвестие смерти, которой всегда сопутствует стремление сосредоточиться.

Вновь очутиться в Губбьо на пьяцца делла Синьориа и долго-долго смотреть на долину под дождем. Увидеть Ассизи без туристов и вслушаться на верхней площади Сан-Франческо в мелодию звезд. Увидеть Перуджу, только без трех домов, которые сейчас стоят вокруг, так, чтобы ранним утром от Порта дель Соле были видны хрупкие силуэты оливковых деревьев на холмах.

Но главное, главное – пройти пешком, с рюкзаком от Монте Сан-Савино до Сиенны, по дороге, идущей мимо оливковых рощ и виноградников по холмам голубоватого туфа, тянущимся до горизонта, увидеть, как в лучах заходящего солнца вдруг появится и сверкнет своими минaretами Сиенна, точно маленький изящный Константинополь, войти в нее ночью, одному, без гроша в кармане, заснуть возле какого-нибудь фонтана, чтобы потом первым оказаться на Кампо, по форме напоминающем ладонь, на которой уместилось все самое великое, что создано человеком после Греции.

Да, я хотел бы вновь увидеть покатую площадь в Ареццо, раковину Кампо и Сиенне, а еще – поесть арбуза, вгрызаясь в самую его сердцевину, на дышащих теплом улицах Вероны.

Когда я состарюсь, я хотел бы, чтобы мне было дано еще раз вернуться на эту дорогу в Сиенну, с которой не сравнится ничто на свете, и умереть там, где-нибудь в придорожной канаве, в окружении одной лишь доброты этих незнакомых мне итальянцев, которых я так люблю.

* * *

Роман. Портрет скорпиона. Он ненавидит ложь и любит тайны. Разрушительный элемент. Т. к. необходимая ложь сплачивает. А тяга к тайне приводит к непостоянству.

* * *

Роман. Кузнецики – Землетрясение. Атака одиноко стоящей фермы. – Атака Филипвиля – Нападение на школу – Тайфун над Немуром.

* * *

Чувственный, не знающий неудач, на гребне жизни, полной удовольствий и успехов, он бросает все и становится целомудренным, потому что случайно увидел лица двух пятнадцатилетних подростков, которые впервые прочли любовь в глазах друг у друга.

* * *

Алжир, 18 января.

Эта тоска, которая все мучила меня в Париже по поводу Алжира, сейчас исчезла. По крайней мере, здесь оказываешься в самой гуще борьбы, трудной для нас, потому что здешнее общественное мнение настроено против нас. Но я всегда обретал душевный покой именно в борьбе. Жизнь интеллигента до мозга костей, будь он хоть семи пядей во лбу, если он участвует в общественной жизни только своими сочинениями, – это жизнь труса. И он компенсирует это свое бессиле все возрастающим словоблудием. Мысль чего-то стоит лишь тогда, когда связана с риском. И вообще лучше уж быть тут, чем в этой Франции, заранее сдавшейся и обозленной, в этой зловонной трясине. Да, сегодня я проснулся счастливым, впервые за много месяцев. Я вновь обрел звезду.

* * *

Несмотря на то, что сделала из меня Франция, неустанно трудившаяся надо мной в течение все моей жизни, сам я пытался пробиться к тому, что оставила у меня в крови Испания и что, на мой взгляд, и является истинным.

* * *

В искусстве любая доктрина – это алиби, которым художник пытается оправдать собственную ограниченность.

* * *

Роман. Портрет В. Д. У нее крупные, сильные кисти рук и ступни танцовщицы, заканчивающие тонкое, изящное тело. В ее танце, которому она отдается без остатка, все – действие, страсть, неистовство.

Она ежегодно отмечает день, когда у нее появилась собственная машина. Каждый вечер кладет у постели только что купленное платье, чтобы утром проснуться и

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 – декабрь 1959) filosoff.org
обрадоваться, увидев его.

Всегда выражается очень неопределенно. Дескать, ей нужно ехать сейчас в одно место, встретиться там с одним человеком, а потом отправиться еще в одно место по одному важному делу... и т. п. Двойная, тройная, скрытая от чужих глаз жизнь. (Ср. Х.: "У меня сегодня обед с одним..."). "У меня бывают нечистые мысли", – говорит она. А о том, кто ее на такого рода мысли не вдохновляет: "Телятина тушеная".

Мужчины, с которыми у нее была связь, кажутся ей представителями другой расы. "Зулузы какие-то" – так она выражается. "Умному человеку нельзя не посочувствовать. Все-то он знает, все видит, а другие ничего не знают, не видят и от этого им легче жить". "Женщины, которые все ждут, что мужчина составит счастье их жизни". "Женщины малопривлекательные – всегда скряги в отношении единственного мужчины, который у них есть. Только красивые женщины способны быть щедрыми". "Юнцов не люблю – слишком уж глупы. Мужчине свойственно испытывать превосходство по отношению к женщине, которую он... Я согласна терпеть такое от человека умного, но не от какого-нибудь желторотого оболтуса". О своем маленьком автомобиле: "Не могу без него обойтись и нежно люблю за ту свободу, которую он мне предоставляет". Держит в машине какие-то старые дрянные тапки со стоптанными задниками, которые надевает, садясь за руль и сняв элегантные туфли в стиле Людовика XV. Впрочем, они снимает туфли везде – в кино, в ресторане и т. д. Изящные ножки – танцовщица как-никак. "В моем квартале одни старушки немощные, так что я на виду".

Когда она останавливается в гостинице, за ней несут целые чемоданы пудры и всякой прочей косметики, а сама она, с распущенными длинными белокурыми волосами (...).

"Не буду скрывать: знаменитость должна быть сексуально привлекательной".

Если бы ей удалось выйти за какого-нибудь миллиардера – скажем, за Онассиса, – она обзавелась бы ванной из золота и платины, это больше пошло бы к ее волосам, и отмокала бы часами в своих любимых духах.

"Свою машину я люблю больше, чем родную мать". Ей ее эпоха нравится.

Обожает смеяться. Хочет все успеть, во всем добиться успеха, все испробовать из того, что сегодня принято считать удовольствиями. Лыжи, море, танцы, светская жизнь, рекламная шумиха. И сохраняет чистоту в этом безудержном желании. Причем именно благодаря ему. "Я могу за себя постоять". Ее словечки: "Она себе омлет выпила на голову" (речь идет о блондинке); "эта и в монастыре бордель устроит"; "там хоть столбом стой, хоть колесом ходи, все равно будут хлопать". Мне, когда я порезался и ходил с перевязанным пальцем: "Плотник нашелся..."

Что мне нравится в В., что делает ее привлекательной: будучи сама по себе совершенно несносной, она умеет подладиться к любому человеку, т. е. она без труда догадалась, что она может дать (развить это). В. и замужество. Если выйдет замуж, будет верной женой. Она просто не сможет поступить иначе с этим бедолагой, который... и т. п.

У нее белоснежные нижние юбки, как у молоденькой девушки; их видно всякий раз, когда она садится.

"Не пойму этих замужних женщин, которые не отлипают от своих мужей. Они получают деньги, отца для своих детей, безопасность, обеспеченную старость и вдобавок требуют еще и верности. Это уж слишком". Или еще: "В браке мужчина только проигрывает, а женщина только выигрывает" и т. д. и т. п.

* * *

Историю легко себе вообразить, но трудно увидеть воочию – особенно тем, кто испытал ее на собственной шкуре.

У угнетенного нет никакого настоящего долга, поскольку он не имеет прав. Права же достаются ему исключительно через бунт. Но едва завоевав права, он вместе с ними обретает и долг. Таким образом, бунт есть в равной степени источник права и отец долга. Отсюда берет свое начало аристократия. И из этого же состоит ее история. Тот, кто пренебрег своим долгом, теряет право и становится угнетателем, даже выступая от имени угнетенных. Но в чем состоит этот долг.

* * *

12 июля. Палермо.

О мистrale. Дни стояли жаркие, и я все ждал, когда он подует. Однажды я поднялся на холм, покрытый ковром из пахучих трав и усеянный мириадами мельчайших улиток. И я увидел, как он накатывается с севера, срезая вершины близлежащих гор, истирая до самой основы полотно неба, раскачивая и продувая насквозь короны деревьев, наполняя звериным воем поля, загоняя в дома людей и скотину, – одним словом он царил... И т. д. Ибросившись наземь, с хрустом давя раковины улиток, подставляя себя яростному водопаду солнца и ветра... праздник.

* * *

Основа моего поведения, которая с годами ничуть не меняется, – отказ исчезать

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 - декабрь 1959) filosoff.org
из этого мира, из его радостей, удовольствий, страданий, и отказ этот сделал
меня художником.

* * *

Похоже, что в этой стране ни одной партии не удается сколько-нибудь долго поддерживать патриотический подъем. Так, правые дали слабину в 1940-м, а левые 16 лет спустя.

* * *

Ночью - гроза. Наутро в воздухе легкость, все очертания ясны. Ковер из розовых вьюнков на затопленном сияющей свежестью холме. Аромат молодых кипарисов. Не отрицать больше ничего!

* * *

Когда твердо знаешь лишь одно: я хотел бы стать лучше.

* * *

Анекдот из России (скорее всего придуманный): Сталин предупредил Крупскую, что, если она не прекратит всякую критику, он назначит вдовой Ленина кого-нибудь другого.

* * *

Роман, в конце. Мама. О чем говорило ее молчание. О чем кричала ее немая улыбка. Мы воскреснем.

Ее терпеливость на аэродроме, посреди всего этого машинно-делового мира, молча ждать, как уже много тысячелетий во всем мире старые женщины ждут, пропуская всех вперед. И уже потом, маленькая, сухонькая, начинающая горбиться от старости, по огромному этому полю, к ревущим чудовищам, придерживая ладонью свои гладко зачесанные волосы...

* * *

Раз уж мы не сможем ничем искупить прожитые годы и совершенные поступки, не следует ли нам вести себя так, словно вокруг не меркнет яркий беспощадный свет?

* * *

Революция - это хорошо. А почему, собственно? Нужно иметь представление о том, какое именно общество вы собираетесь создать. Уничтожение частной собственности - это не цель. Это - средство.

* * *

Мир рушится, Восток в огне, вокруг нее самой мучаются и страдают люди, а она, М., где-то на краю Европы, в ветреный день бежит по пустынному пляжу, пытаясь обогнать скользящую по песку тень от облака. Вот оно, торжество жизни.

* * *

Август 1956.

С. Люблю это озабоченное, несчастное лицо, иногда трагическое, всегда прекрасное; совсем маленькая, со слишком широкими для ее сложения запястьями и лодыжками и с лицом, будто бы освещенным неярким, мягким пламенем, в котором чистота, душа. И когда на сцене в ответ на оскорбительную реплику партнера она резко поворачивается и выходит, так ее жалко, и еще эти хрупкие плечи...

Впервые за долгое время такое чувство к женщине, причем никакого желания или намерения хотя бы игры, а просто люблю ее вот такую, хотя и грустно.

* * *

Вложенное письмо.

Я стар или скоро состарюсь. Половину своей мужской жизни я провел, защищая одного человека ценой самопожертвования другого и, может быть, принося в жертву часть себя самого. Я не могу, ради нескольких лишних месяцев или лет жизни, отбросить то, что хранил в течение двенадцати лет. Я не могу, точно злой мальчик, ломающий одну за другой свои игрушки, разбить то, ради чего разбил чужую жизнь.

Мне всегда казалось, что любовь, да и вообще любое чувство, сводится к тому, что ты сам испытываешь в самый первый момент. Так вот к тебе это была любовь без претензии на обладание, я просто отдал свое сердце. Обладание пришло потом, но это нечто особое, уже не из области чувств...

Может быть, именно здесь между нами мог бы быть заключен некий брачный союз, о котором знали бы только мы двое, некий договор, пакт.

* * *

Время для меня перестало существовать; по десять часов в день, в полуподвальном зале театра, в скучном и одновременно жестком свете репетиционных ламп я заворожено следил, как на этом маленьком личике, словно подсвеченном еще и изнутри, но тускло, мучительно, сменяют друг друга все оттенки страдания, которые только может придать лицу человека жизнь. Мне были явлены самые глубины души, ее боль, гордость, беззащитность. И когда мы выходили вместе на улицу, то внезапный дождь или ласковое тепло сентябрьской ночи воспринимались такими, какими они были, - выражением вечного, незыблемого порядка, проявлением того, отчего бьется и страдает сердце любого мужчины и любой женщины, чем был полон я

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 - декабрь 1959) filosoff.org
сам и что единственное давало мне силы жить в течение многих и многих недель.
* * *

К., персонаж романа. Молодая еврейка, была депортирована, в лагере служила у эсэсовцев (сестра Х.). Возвращается. Становится актрисой: 1) потому что обрела совершенно невероятную способность рассмешить любого; 2) потому что это хороший способ отгородиться от мира; 3) потому что это дает возможность прожить чужие жизни, и все они неизмеримо предпочтительнее того, что ей довелось увидеть и пережить. А на лице у нее: Бельзен и сострадание. Этому все и аплодируют.

Неловкая и рассеянная. Все у нее горит, пачкается, теряется...

После долгой работы ночью, одни в машине, пустынный Париж, и дождь, который все стучал, не переставая, по железной крыше. На ее лице, освещенном доходящим снаружи слабым светом уличного фонаря, мелькали тени от капелек и ручейков, стекающих по ветровому стеклу. Вокруг этих теней - они двое, укрывшиеся в своем железном домике, а вокруг них - улица, безмолвный город, континент, целый пылающий мир, и он все не может оторвать глаз от этого лица, по которому слезинками стекают тени.

"Наши ласковые, тайные, безлюдные каникулы". Он тряс свесившиеся через стену сада ветви деревьев, и капли воды падали дождем на запрокинутое лицо его подруги. Он пил одну за другой эти капли, которые блестели, словно возбужденные нежные глаза.

* * *

Промышленная цивилизация, уничтожая красоту природы, усеивая огромные пространства промышленными отходами, порождает и взращивает искусственные потребности. Она создает такие условия, что бедным быть просто нельзя, жить в бедности невыносимо.

* * *

Омологенный фауст становится дон Жуаном. Старый, умудренный жизнью дух в юном теле. Взрывоопасная смесь.

То же. Сцена, в которой дон Жуан присутствует на собственных похоронах. Дон Фауст или рыцарь Запада.

* * *

Аврора. Притча. Дон Жуан познания: ни у одного философа, ни у одного поэта нет подобного образа. В нем нет любви к вещам, которые ему открываются, но есть ум и сладострастие, он наслаждается соблазнами и увлекательной интригой познания, в котором он достигает самых высоких вершин и самых далеких звезд, пока не останется больше ничего, за чем он мог бы пуститься в погоню, кроме разве что того в познании, что причиняет боль, так пьяница кончает тем, что пьет абсент или азотную кислоту. Поэтому-то он в конце концов жаждет ада. Это последнее знание, которое его соблазняет. Вполне вероятно, оно разочарует его, как и все, что он уже познал. Тогда ему придется застыть уже навечно в своем разочаровании. Самому стать каменным гостем, он возжелает последнего пира познания, но попирать ему так и не удастся. Ибо в целом мире вещей не сыщется и крошки, способной утолить его голод.

* * *

Прогрессивная интеллигенция. Этакие штопальщики-диалектики. Если у кого-то голова уже не выдерживает, они своими рассуждениями подштопывают то, что порвалось под действием фактов.

* * *

Есть в мире движущаяся параллельно силе смерти и принуждения еще одна огромная сила, несущая в себе уверенность, и имя ей - культура.

* * *

В Ветхом Завете Бог сам не говорит ничего, словом ему служат живые люди. В них-то я и любил всегда то, что есть в этом мире священного.

* * *

17 июля.

Корд. Тихо и прекрасно. Безлюдный огромный дом, вымерший город. Я начинаю ощущать, как во мне течет время, вновь обретаю дыхание. Вокруг Корда - идеальное кольцо холмов, на которое опирается небо - ласковое, просторное, одновременно облачное и ясное. Ночью с безумной быстротой на Западный холм опускается Венера, крупная, как персик. На мгновение задержавшись на гребне холма, она внезапно исчезает, точно жетон, провалившийся в щель. Тут же горохом рассыпаются звезды, а Млечный Путь на глазах густеет.

* * *

24 июля.

Прекрасная и обезлюдевшая деревня, в которой уже что ни дом - то развалина. В выпотрошенных и уже заросших крапивой сараях ржавеют старые колеса боронь, огромные пауки-старики расхаживают, точно привидения, по этому пустынному царству. Все хлынули в города, на заводы, к коллективным удовольствиям. А здесь,

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 - декабрь 1959) filosoff.org
рядом с нами, медленно умирает старый уклад, и полуразрушенные дома об этом
свидетельствуют. Сказал об этом М., и он мне ответил, что воспринимает это не
как смерть, а как ожидание. Ожидание чего? - Мессии.

* * *

Буддизм - это атеизм, ставший религией. Возрождение после нигилизма. Кажется, единственный случай. И стоящий того, чтобы над ним поразмыслить, особенно нам, борющимся с нигилизмом.

* * *

Нельзя требовать у страдания доказательств его подлинности. Так дойдешь до того, что не сможешь посочувствовать почти никому.

* * *

Самоубийство старушки-англичанки. В дневнике уже много месяцев она каждый день записывала одно и то же: "Сегодня не приходил никто".

* * *

Русские старообрядцы считали, что на правом плече мы носим ангелочка, а на левом - чертика. Это может пригодиться для театральной постановки (Дон Фауст?): ангелок и чертик растут в зависимости от того, как их кормят. Обычно или один, или другой растет гораздо быстрее. Мой герой появляется с двумя маленькими персонажами одного роста. Их диалоги, между собой, героя с этими двумя, каждого из них с героем и т. д. и т. п.

* * *

8 августа 1957 г. Корд.

Перечел "Преступление и наказание" и впервые всерьез усомнился в своем призвании. Раздумываю, не бросить ли все, в самом деле. Всегда считал, что творчество - это диалог. Но с кем? С нашей литературной средой, где в почете злоба и посредственность, а главный прием в критике - оскорблениe? С обществом? С народом, который нас не читает, с буржуазией, которая читает одни газеты да пару модных книжек в год? Творец сегодня может быть только одиноким пророком, которого точит, грызет потребность сотворить нечто грандиозное. Творец ли я? Мне казалось, что да. Точнее, казалось, что я способен стать им. Сейчас я в этом сомневаюсь, к тому же велик соблазн отказаться от этих постоянных усилий, которые делают меня несчастным, даже когда я счастлив, от этой никчемной аскезы, от этого слепого следования какому-то неведомому зову. Занимался бы себе театром, писал бы время от времени какие-нибудь пьесы, не особенно усердствуя, и скорее всего чувствовал бы себя свободным. Зачем соваться в уважаемое, честное искусство? Да разве я способен на то, о чем мечтаю? А если не способен, к чему тогда все эти метания? Освободиться от этого и заняться разной ерундой! На это шли и более великие, чем я.

* * *

Комментарий к "Падению", потому что они так и не поняли. Здесь выведены и высмеяны современный тип поведения и эти неуместные, даже неприличные для нерелигиозного человека угрызения по поводу своей греховности. Ср. Честертон: "В XIX веке (как и в XX) полным-полно христианских идей, которые при этом совершенно безумны".

О том, что Ленин никогда не имел дела с массами. Ср. Шпербер: левые силы и четвертый пункт Трумена.

То же. Фрейд совершенно не ощущал себя врачом по призванию, не испытывал никакого "сочувствия к страдавшему человечеству".

Немезида. Глубинное родство марксизма и христианства (развить). Поэтому я против них обоих.

* * *

Отказаться от блеска, когда вполне можешь блестать, нравиться и т. п. Нужно лишь чуть-чуть искусственности, но в конце концов она пожирает все. Изводить себя (столько, сколько нужно) - занятие в конечном счете более плодотворное, чем все время болтать и куда-то ходить невесть зачем.

Нужно: не просто кого-то любить, ничего от него не требуя, но любить того, кто ничего тебе не даст.

* * *

17 октября.

Нобелевская премия. Необычное чувство страшной усталости и тоски. В 20 лет, голый и босый, я знал, что такое настоящая слава. Мама.

* * *

19 октября.

В ужасе от того, что произошло и чего я не просил. А в довершение еще и подные выпады, от которых сердце ноет. Ребате смеет рассуждать о моей тоске по расстрелам, хотя, когда его в свое время приговорили к смерти, я вместе с другими писателями-участниками Сопротивления просил о помиловании в том числе и для него. Тогда его помиловали, но сейчас он не хочет отплатить мне тем же.

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 - декабрь 1959) filosoff.org
Вновь хочется уехать из этой страны. Но куда?

Само по себе творчество, само по себе искусство, его тонкости, каждый день и этот разрыв... Презирать - это выше моих сил. В любом случае нужно подавить в себе тот ужас, необъяснимую панику, в которую меня повергло это неожиданное известие. Для этого...

"Они не любят меня. Разве это причина для того, что не благословлять их?" Н.
Святые боятся совершаемых ими самими чудес. Они не могут любить ни их, ни себя
в них.

* * *

В течение месяца три приступа удушья, усугубляемых панической клаустрофобией.
Постоянная неуравновешенность.

Усилия, которые я неустанно прилагал, чтобы соединиться с другими на почве
всеобщих ценностей, чтобы самому обрести равновесие, оказались не совсем
тщетными. Сказанное или найденное мною может, даже должно пригодиться кому-то.
Но не мне, увязшему сейчас в каком-то безумии.

* * *

5 марта.

Беседа с де Голлем. На мои слова о возможности беспорядков в случае потери
Алжира и о ярости алжирских французов в самом Алжире: "Ярость французов? Мне 67
лет, и я ни разу не видел, чтобы француз убивал французов. Сам я не в счет".

Сравнивая Францию с остальным миром. "По большому счету, - сказал он, лучше
Франции ничего пока не придумано".

* * *

Те, кому действительно есть что сказать, никогда этого не высказывают.

* * *

Марсель.

В Алжир на "Керуане". Двойной слой водяной пыли. Первый образует
вспенивающаяся, шипящая волна, которая разбивается о борт корабля - и тут же ее
уносит яростный порыв ветра, бешено раскручивая и распыляя; второй, менее
напитанный влагой, скорее похожий на тонкое кружево пара, поднимается легким
туманом.

Чайки с крыльями, переломленными точно посередине, как двускатные крыши.

Солдаты на палубе, на ветру - кто забился в щель между снастями, кто накрутил
на голову несколько платков, кто завернулся в бесформенную шинель. Те минуты,
когда человек отбрасывает все показное и съеживается, чтобы что-то переждать, -
это и есть история.

Неподвижно стою на верхней палубе, а чайки спускаются все ниже и продолжают
терпеливый свой полет совсем рядом со мной. Упрямые чайки глаза-бузинки, клюв,
как нос у колдуны, мышцы, не знающие усталости. Морской птице сесть некуда.
Разве что в качающуюся впадину между волн или на крестовину мачты.

* * *

Власть неотделима от несправедливости. Хорошая власть - это здоровье и
осторожное управление несправедливостью.

* * *

Никогда не говорить о своей работе.

* * *

Для меня: если бы любое из моих чувств было единственным, я подчинился бы ему.
Мною всегда владеют одновременно два противоположных чувства.

* * *

Алжирцы. Их жизнь, в тепле и тесноте друзей, родных. В центре всего тело, его
достоинства - и глубокая печаль, когда оно дряхлеет. Жизнь без иных горизонтов,
кроме ближайшего, очерчивающего круг того, что принадлежит плоти. Гордые своей
мужественностью, способностями по части выпивки и еды, своей силой и храбростью.
Уязвимые.

* * *

Поэтапное выздоровление.

Усыпить волю. Прочь разные "надо".

Полная деполитизация ума и затем гуманизация.

Описать клаустрофоба - и еще комедии.

Уладить отношения со смертью, т. е. принять ее.

Согласиться выставлять себя напоказ. Умирать от этой тоски не буду. Если умру,
все кончено. Если нет, все равно не избежать опрометчивых поступков. Нужно всего
лишь соглашаться с чужими мнениями. Смирение и приятие - чисто медицинские
средства от тоски.

Мир движется к язычеству, но пока отвергает языческие ценности. Их нужно
восстановить, сделать веру языческой, Христа сделать греком, и тогда придет
равновесие.

Не от избытка ли ответственности все мои страдания?

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 - декабрь 1959) filosoff.org
Раз уж я и так заявлял, точно в пустыне, нужно довести это иссушение до конца, достичь предела и перейти его, так или иначе. Либо безумие, либо большее самообладание.

Метод: при первых признаках тоски ускорять дыхание, когда тревога замедлять. Сочетать с этим немедленную приостановку любых действий и любых жестов.

К этому добавить: полное расслабление.

На будущее: перенос и накапливание энергетического заряда, содержащегося в любом хотении или желании, путем кратковременного пресечения этого хотения или желания.

В отношении общества признать, что я от него ничего не жду. Любое участие станет тогда просто даром, за который ничего не ожидаешь взамен. Хула и похвала станут тогда тем, чем они и являются: ничем. В конце концов упразднение стадного чувства.

Отбросить пережеванную мораль абстрактной справедливости.

По отношению к людям и вещам держаться реальности. Как можно чаще возвращаться к личному счастью. Не отказываться признавать то, что есть на самом деле, даже когда это противоречит желаемому. Напр.: Признать, что и сила тоже - и даже больше, чем все остальное, - убеждает. Правда стоит любых мучений. Только на ней зиждется радость, венчающая затраченные усилия.

Собрать энергию - в центре.

Признать необходимость врагов. Любить их за то, что они есть.

Избавляться от всех автоматизмов, начиная с самых ничтожных и кончая самыми высокими. Табак, еда, секс, защитные реакции (или нападающие - одно и то же) и даже творчество. Аскеза не по отношению к желанию, как таковому оно должно быть неприкосновенно, - но к его удовлетворению.

* * *

Обрести огромную мощь, но не для того, чтобы подавлять, а чтобы отдавать.

* * *

3 мая.

Почти полностью восстановился, надеюсь, сил даже прибавилось. Лучше осознаю теперь то, что знал всегда: тот, кто влечет свою жизнь, сгибается под ее тяжестью, не сможет помочь никому, какие бы обязанности он на себя не взял. Тот же, кто владеет собой и владеет жизнью, в состоянии быть по-настоящему щедрым и отдавать без усилий. Ничего не ждать и не требовать, лишь бы хватало сил, чтобы отдавать и работать.

Дневник.

* * *

Конец апреля 1958 г. Канны.

Целыми днями в море. Поплавки сетей (бутылка со свинцовым язычком внутри, укрепленная на пробковом кружке) вечерами позякивают, словно колокольчики пасущегося в море стада. Ночью яхты в порту поскрипывают и постанывают мачтами и сходнями.

Свет - свет - и тревога отступает, хотя не исчезает совсем, а только глухо ворчит, сморенная жарой и солнцем.

* * *

30 апреля.

Мартен дю Гар. Ницца. Он еле ползает со своим ревматизмом в суставах. 77 лет. "Над смертью ничто не властно, даже то, что я создал. Ничто, ничто..." "да, это хорошо, когда не чувствуешь себя одиноким" (и на глазах у него появляются слезы). Уславливаемся встретиться в июле в Тертрэ. "Если доживу". А сердце-то прежнее - до всего ему есть дело.

* * *

29 мая 1958 г.

Моя профессия заключается в том, чтобы писать книги и сражаться, когда возникает угроза свободе дорогих мне людей и моего народа. Вот и все.

* * *

Художник - как Дельфийское божество: "ни открывает, ни скрывает - лишь означает".

* * *

Музиль: великий замысел, предполагающий применение всевозможных приемов искусства, которыми он владеет. Отсюда и такое произведение - трогательное благодаря тому, что оно не удалось, а не благодаря своему содержанию. Бесконечный авторский монолог, в котором местами видны проблески гения, но который в целом не озарен светом искусства.

Музиль. "У каждого из нас есть вторая натура, для которой любой наш поступок оправдан".

"Обыкновенная жизнь есть составляющая всех наших возможных преступлений".

* * *

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 - декабрь 1959) filosoff.org
Мама. Если бы в нас было достаточно любви к тем, кого мы любим, мы помешали бы им умереть.

* * *

9 июня 1958 г.
Вновь еду в Грецию.

* * *

10 июня.

Акрополь. Впечатление менее сильное, чем в первый раз. Я был не один и был занят своими спутниками. К тому же встреча с О., с которым я чувствую себя неуютно. Акрополь не то место, где можно лгать. В два часа самолет на Родос. Под крылом проплывают острова, скалы, торчащие из моря. Распыление континента. В Родосе приземляемся посреди полей низкой цветущей пшеницы, которую ветер гонит волнами к голубому морю. Роскошный, цветущий остров. Ночная прогулка среди французской архитектуры. Встреча с пр. о. Брюкбергом, который сообщает мне о своем намерении порвать с Церковью, но сохранить сан. Я по-прежнему очень к нему расположен. На яхте с Мишелем Г. и Прассиносом с женой.

* * *

11 июня.

Рано утром, один, покидаю яхту и иду купаться на пляж Родоса, в двадцати минутах отсюда. Вода светлая, ласковая. Солнце еще невысоко, греет, но не печет. Восхитительные мгновения, которые возвращают меня на двадцать лет назад, в те утра в Мадраге, когда я, еще сонный, вылезал из палатки и, пройдя несколько шагов, нырял в дремлющую утреннюю воду. Увы, плавать я разучился. Точнее, не могу дышать так, как раньше. Но все равно хочется не уходить с этого пляжа, где я только что был счастлив.

В десять часов покидаем Родос, огибаем северную оконечность острова и подходим к Линдосу.

* * *

12 ч. 30 мин. Линдос.

Небольшой естественный порт, почти закрытый. Превосходная бухта. Бросаем якорь в абсолютно прозрачную воду. Вверх по склону от бухты поднимаются белые деревенские домики, а на вершине виден Акрополь, обнесенный средневековыми укреплениями, из-за которых возвышаются стволы дорических колонн.

До пляжа добираемся на ялике. Купаемся. Ближе к вечеру поднимаемся на Акрополь. Наверх широкая лестница с высокими ступенями выводит нас на просторную площадь под открытым небом, с одной стороны которой внизу виден порт, где мы причалили, а с другой, под отвесной скалой - еще одна бухточка, куда некогда пристал Св. Павел. Над этим простором, опьяненным светом, кружат ласточки, бесстрашно ныряют в пустоту и вновь взмывают ввысь с пронзительными криками. Вечер спускается на эти колонны, на обе бухты, на острые скалы, виднеющиеся там и тут до самого горизонта, и на огромное море перед нами. Чувство бессилия оттого, что невозможно передать, выражить эту красоту. И одновременно признательность перед тем совершенством, которое царит в мире. Возвращаемся в город; ослики, вечером прогулка на лодке... Ночью истощный ослиный рев.

* * *

12 июня.

В шесть часов выхожу на палубу, чтобы в последний раз взглянуть на полюбившуюся мне бухту. На борту все, кроме капитана, спят. В утренней легкости запах Линдоса - запах пены, тепла, слов, трав, дыма...

* * *

Родос, 8 ч. 30 мин.

Идем в ущелье поглядеть на только что вылетевших бабочек. Они повсюду в траве, на деревьях, в пещерах, вылетают прямо из-под ног тихими дрожащими облачками. Страшное пекло. Возвращаемся. В 15 часов выходим в Мармарис, турецкий порт. Прибываем в 17 часов. Бросаем якорь посреди довольно красивой, но темноватой бухты. Городок издалека кажется весьма невзрачным. Приближаясь, видим, что на причале понемногу сгрудилось все население. На борт поднимаются турецкие полицейские и таможенники. Бесконечные выяснения всякого рода формальностей. Затем сходим на берег, где нас сразу же окружает и повсюду сопровождает толпа ребятишек в лохмотьях. Нищета, запустение на улицах и в домах производят тягостное впечатление, так что мы очень скоро поворачиваем назад. После ужина вновь визит местных властей. Опять выяснения (они не говорят ни на одном из западных языков), бесконечные. Забрали паспорта и пр. Отдадут завтра в шесть утра. Капитан протестует... В самом деле, заберем их завтра утром.

* * *

13 июня.

Отплываем в семь. В одиннадцать - остров Сими. Восхитительная греческая чистота. Даже самые бедные дома свежевыбелены известью, украшены и т. д. Просто

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 - декабрь 1959) filosoff.org
невероятно и возмутительно, что турки смогли так надолго поработить этот народ.
Купание. Клаустрофобия все-таки усиливается. Но в целом состояние превосходное.
В 15 часов отправляемся в Кос.

* * *

1 июля.

Афины. Жара. Пыль. Дурацкая гостиница. Усталость. 2. дельфины. Вновь этот необыкновенный подъем по световым площадкам. Иду по своим собственным следам. Запах вечера на маленьком стадионе. 3. Обратно в Коринф. До Патраса. Один, купание, вода... Патрас - большой пыльный Оран, неприглядный и полный жизни. 4. Олимпия. 5. Микены, Аргос. Трек цикад на высоких пиниях Олимпии. Греция - это эхо далеко разносящихся криков в долинах, на склонах островов.

* * *

Павезе. Насчет того, что единственная причина, по которой мы постоянно думаем о себе, заключается в том, что наедине с собой мы проводим гораздо больше времени, чем с другими. О том, что гений означает плодовитость. Быть значит выражать, выражать без конца. О том, что праздность замедляет часы и убывает годы, а деятельность ускоряет часы, но замедляет годы. О том, что все развратники сентиментальны, ибо для них отношения мужчины и женщины есть предмет чувства, а не долга.

Там же. "Когда женщина выходит замуж, она начинает принадлежать другому, а раз она принадлежит другому, ей больше нечего ему сказать".

Там же. Старуха Ментина, в течение семидесяти лет не знавшая, что творится в истории. Прожила "статичную, неподвижную жизнь". Павезе бросает в дрожь от этого. А если бы старая Ментина была его матерью?

* * *

Жить ради правды и только в ней. Прежде всего правда о самом себе. Перестать подлаживаться под других. Правда того, что есть. Не пытаться перехитрить реальность. Признать свою непохожесть на других и свое бессилие. Жить согласно этой непохожести до полного бессилия. В центре - творчество вместе с огромными силами наконец-то признанного бытия.

* * *

Десять дней прошло после возвращения из Греции. Сила и радость тепла. Сон души и сердца. В глубине спит монастырь, мощные голые стены, в которых молчание созерцает.

* * *

Ложь усыпляет или погружает в мечты, иллюзия тоже. Правда - это единственная настоящая сила, бодрая, неистощимая. Вот если бы мы могли жить только правдой и ради нее одной: юная и неумирающая энергия внутри нас. Человек правды не стареет. Еще усилие - и он никогда не умрет.

Тетрадь № IX,
июль 1958 - август 1959

22. 24.

Ничего. Записывал на свой магнитофон "Падение". Письмо от Ми ("бурные чистые ночи"). Вчера вечером бродил по Сен-Жермен-де-Пре - с чего бы это? Разговорился с каким-то пьяным художником. "Чем занимаетесь - не сижу в тюрьме - это плохо - да нет, хорошо" - и, проглотив пяток круtyх яиц, залил все это коньяком. В отчаянии оттого, что не могу работать. К счастью, "Живаго" и нежность, которую я испытываю к его автору. Отказался от поездки на юг.

* * *

25.

Ничего. Записывал "Падение", "Одержимые", раздача. Н. Р. Ф. Обедал с А. К. Ее любовь с М., который со своей женой уже ничего не может и доверился ей. "Ему лучше", - говорит она. "В каком смысле?" - "Ну, это еще не мужчина, но уже и не старик". Эта зона тени над людскими жизнями. Над каждой жизнью. Проводит ее, гуляю по Сен-Жермен-де-Пре. Чего-то жду, как дурак. Эх! Вернулись бы силы для работы, тогда наконец появился бы какой-то просвет. Шпана всякая слоняется, одета под Джеймса Дина, в очень обтягивающих джинсах, и без конца что-то чешут и поправляют спереди. Вспомнились загорелые обнаженные тела, далеко в прошлом, в моей навсегда потерянной стране. Они были чисты.

* * *

30 июля.

Весь день один. Работал, но ничего путного. Вечером у Набокова Нарайан, которого прочат в преемники Ганди и который объясняет нам суть движения сельского социализма в Индии (Виноба). Восхищаюсь, но от меня это далеко. По дороге домой иду мимо Оренка и замечаю на освещенной афише фамилию А. М. Захожу. Я был с ней счастлив, одиннадцать лет назад. Сейчас она замужем за стюардом Эр-Франс, ездит с ним на рыбалку. А вечером поет.

* * *

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 – декабрь 1959) filosoff.org
1 августа.

Обедал в Шамбуруси у Барро. На небе мрак и непрекращающаяся гроза. Б. вновь предлагает ассоциацию Данченко-Станиславского. Во второй половине дня Колин Уилсон – Совсем еще ребенок, видимо, Европа наконец-то завоевала Англию. "Теперь нужно, чтобы все поверили в (...)" – я и сам это знаю. Это и есть моя вера, и она никогда меня не покидала. Но я пошел туда, куда повело меня мое время, через все беды, ни от чего не увиливая, чтобы иметь возможность, после страданий и отрицаний, нечто утверждать, – во всяком случае, тогда я воспринимал это так. А сейчас нужно как-то преобразиться, и это-то меня и мучает, не дает приступить к задуманной книге. Вероятно, запечатлевание в образах состояния некой подавленности отняло у людей моего поколения слишком много сил, и мы уже не сумеем выразить нашу истинную веру. Мы лишь подготовим почву для молодых ребят, идущих за нами. Говорю об этом К. У., и "если у меня ничего не получится, то по крайней мере из меня выйдет интересный свидетель. Если получится, выйдет творец".

Вечером ужинаю с А. Е. и Карин, потом вдвоем с Карин гуляем по Монмартру. Ночные сады, влажные в лунном свете, но темные. Карин 18 лет. Родители развелись. Она зачем-то уехала из Швеции и зарабатывает на жизнь, работая манекенщицей в каком-то второразрядном доме моделей, где ее эксплуатируют, как хотят. Тридцать пять тысяч франков при семичасовом рабочем дне без выходных. Меня переполняет восхищение перед смелостью этих девушек середины века. Несколько мальчишеская красота, сама же медлительная, словно отсутствующая. Возвращаемся. Без лишних слов подставляет свои свежие губы, затем поворачивается и уходит, строгая и сдержанная.

* * *

2 августа.

Заставляю себя вести этот дневник, с трудом преодолевая отвращение. Теперь я понял, почему этим не занимался: жизнь для меня – тайна. Как по отношению к другим (это-то и угнетало х. больше всего), так и в моих собственных глазах: я не имею права выдавать эту тайну в словах. Для меня богатство жизни именно в том, что она такая глухая, несформулированная. А заставляю я себя только из панической боязни потерять память. Хотя сам не уверен, что смогу продолжать. Впрочем, я и так забываю упомянуть об очень многом. И ничего не пишу о том, что думаю. Например, мои долгие размышления о К.

* * *

15, 16, 17 августа.

На самом деле весь этот период, начиная со 2-го числа, совершенно пустой. Нельзя писать, не обретя вновь волю к жизни, энергию. Здоровье души, даже если то, что собираешься сказать, трагично. Даже именно поэтому. Закончил "Живаго" с чувством нежности к автору. Неверно, что он продолжает традиции русского искусства XIX века. Эта книга сделана так умело, но она современна по фактуре, с этими постоянными моментальными снимками. Однако в ней есть и нечто большее: воссоздана русская душа, раздавленная сорокалетним господством лозунгов и бесчеловечной жестокости. "Живаго" – книга о любви. Причем о любви, распространяющейся на всех людей сразу. Доктор любит свою жену, и Лару, и еще многих других, и Россию. И погибает он потому, что оказывается оторван от жены, от Лары, от России и от всего остального.

Со мною люди без имен,
деревья, дети, домоседы.
Я ими всеми побежден,
и только в том моя победа.

И смелость Пастернака в том, что он вновь открыл подлинный источник творчества и спокойно занимался тем, что не давало ему пересохнуть среди воцарившейся там пустыни.

Что еще? Два вечера, 16-го и 15-го, записывал на магнитофон вместе с М. стихи Шара. Ночью 15-го гулял по набережным Сены. Под Новым мостом молодые люди, иностранцы (скандинавы): двое что-то импровизируют на трубе и бандже, а остальные улеглись парочками прямо на мостовой и слушают. Немного дальше, на лавочке возле моста Искусств растянулся какой-то араб, пристроив за головой радиоприемник, из которого доносятся арабские мелодии. Мост Сите, под теплым туманным небом августовского Парижа.

Для "Юлии". Гибер – прогрессист из дворян. Мора – представитель старого мира.

* * *

23 августа.

Умер Роже Мартен дю Гар. Я отложил поездку к нему в Беллем, и вот вдруг... Вспоминаю, как еще в мае, в Ницце, беседовал с этим нежно мной любимым человеком, который говорил мне о своем одиночестве, о смерти. Как он переносил свое грузное, переломанное пополам тело от стола к креслу. А его прекрасные

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 - декабрь 1959) filosoff.org
глаза... Его можно было любить, уважать. Печально.

* * *

2 сентября, в Иль-сюр-Сорг. Наилучший принцип ведения дневника - время от времени резюмировать (два раза в неделю) самые важные события за истекший период. В субботу 30-го виделся с Жамуа и договорился с ней о том, что в Монпарнасе пока не будут ставить "Одержимых". Несмотря на ее внешнюю недоброжелательность и сухой тон, она по-своему привлекательна, в строгих сандалиях, с маленькой изящной ножкой, вытянутым телом и прекрасными грустными глазами. Тут же позвонил Барро и подтвердил мое согласие. Лег рано. Полночи ворочался, заснул часа в три, проснулся в пять, плотно поел и выехал, несмотря на дождь. Одиннадцать часов подряд за рулем, время от времени грызя какое-нибудь печенье; дождь не прекращался до самого Дрома, затем начал постепенно ослабевать, а примерно на уровне Ньюона навстречу хлынули запах лаванды, разбудив и взбодрив меня. Знакомый пейзаж влив в меня свежие силы, и приехал я уже совершенно счастливый. В Иль, в убогом номере гостиницы "Сен-Мартен", ко мне вдруг возвращается чувство покоя и защищенности.

В Иль встретил Рене Шара. С грустью узнал, что его выгнали из его дома и парка (Где будет теперь отвратительный квартал дешевой массовой застройки) и загнали в комнатушку гостиницы "Сен-Мартен". В Камфу, у Матье; г-жа Матье, постаревшая Клитемнестра в очках. Сам же г-н Матье из крепкого управляющего превратился в немощного старика, который даже за собой следить не в состоянии. Занимаюсь домом, который они снимают, - немного унылый, но в общем приятный, с видом на Люберон. Х. он точно не понравится. Но я все же стараюсь сделать его более удобным. 3-го долго гуляем с Р. Ш. по дороге вдоль склонов Люберона. Пронзительный свет, бескрайние просторы приводят меня в восторг. Вновь захотелось поселиться здесь, найти себе подходящий домик и наконец осесть. В то же время много думаю о Ми, о ее жизни здесь. Г-жа Матье поведала за ужином: "даже ласточки и те поглупели. Нет бы брать ил для своих гнезд, так они таскают землю с полей. И вот, впервые за много лет, из тридцати гнезд в Камфу двенадцать упали и разбились вместе с отложенными яйцами". Шар на это: "А мы-то надеялись, что хотя бы птицы нашу честь спасут".

4-го ждал телеграммы или звонка от Х., чтобы узнать, когда она с детьми приедет. И тут г-жа Матье сообщает мне, что она пробудет здесь всего дня четыре, а семья ее останется в Париже. Приступ отчужденности и злости - и на нее, и на себя: ну сколько же можно ждать проявления нежности там, где ее нет и быть не может.

* * *

30 сентября.

Целый месяц провел в Воклюзе в поисках дома. Купил тот, что в Лурмарене. Затем выехал в Сен-Жан, чтобы повидаться с Ми. Сотни километров сквозь аромат собираемого винограда, в состоянии радостного возбуждения. Затем пенящееся море, сколько хватает глаз. И наслаждение, как эти волны, вечно бегущие, сдирающие старую кожу. Утром выехал в Париж, к розовым зарослям вереска в сосновых лесах. Снова двенадцать часов за рулем и Париж.

* * *

Я. де Беер. "Адюльтер должен был бы караться смертью. Тогда настоящих любовников можно было бы по пальцам перечесть". Отнюдь нет. Слабоволие часто пересиливает страх.

* * *

7 ноября, 45 лет. День в одиночестве и размышлениях, как я того и хотел. Немедленно начать это отстранение от всего и закончить его к пятидесяти. Ну а сегодня правлю я.

* * *

Демократия - это не власть большинства, а защита меньшинства.

* * *

20 марта.

Маму оперировали. В субботу утром получил телеграмму от Л. В три часа ночи самолет. В семь утра в Алжире. Каждый раз, когда выхожу на поле Мезон-Бланш, впечатление одно и то же: моя земля. Хотя небо серое, воздух нежный и волглый. Устраиваюсь в клинике, на алжирских высотах.

В безукоризненно-чистой комнате с голыми белыми стенами: ничего. Платочек и маленькая расческа. На простыне: ее узловатые руки. За окном чудесный вид на город, спускающийся к заливу. Но от света и пространства ей хуже. Она просит, чтобы в комнате был полумрак.

* * *

Она рассказывает о Филиппе, с которым только что обручилась Поль: "Отец у него хороший, мать хорошая, сестра хорошая. Все люди старых правил. Он сам уже отслужил. С Поль они на нефтяном встретились и (соединяет вместе указательные

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 - декабрь 1959) filosoff.org
пальцы). Ну, и ладно".

"После, когда я уже дома буду, доктор мне даст, чтобы поправиться". Говорит "спасибо господину доктору". Делать ничего не может: ни читать - не умеет, ни шить или вышивать - из-за пальцев, ни слушать что-нибудь - потому что глухая. А время еле течет, тяжело, медленно...

Губы у нее исчезли. Однако нос все такой же прямой, тонкий - лоб высокий, исполненный благородства, глаза черные и блестящие, в гладких костяных аркадах.

Она страдает молча. Послушно. Вокруг нее сидит вся семья, в тягостном молчании, и ждет... Ее брат Жозеф, который младше ее на несколько лет, тоже ждет - но так, как если бы он ждал, когда придет его черед, - покорный и грустный.

* * *

Эта странная привычка ставить перед своей фамилией слово "вдова", которое сопровождало ее всю жизнь и сейчас тоже фигурирует на каждом больничном документе.

Она прожила в незнании всего - кроме разве что страдания и терпения, и даже теперь так же кротко продолжает впитывать физические страдания...

Существа, не тронутые ни газетами, ни радио, никакой другой техникой. Они были такими и сто лет назад, и любой социальный контекст бессилен их изменить.

Из меня как будто кровь течет. Нет? А, ну тогда ладно.

Запах шприцев. Холм, покрытый акантами, кипарисами, пиниями, пальмами, апельсиновыми деревьями, мушмулой и глициниями.

* * *

Ницше. "Никакое страдание не могло и не сможет вынудить меня лжесвидетельствовать против жизни, такой, какой я ее знаю".

Там же.

"Шесть разных одиночеств он познал,
Но море одиноким не считал он..."

Об использовании славы в качестве прикрытия, за которым "наше собственное "я"" незаметно продолжало бы играть само с собой и смеяться само над собой".

"Завоевать свободу и духовную радость, чтобы иметь возможность творить, не поддаваясь угрозам чуждых идеалов".

Чувство истории есть не что иное, как замаскированная теология.

Н., человек с севера, оказавшись под небом Неаполя, однажды вечером: "И ведь можно было умереть, так этого и не повидав!"

Письмо Гасту от 20 августа 1880 г., в котором он жалеет, что был дружен с Вагнером: "... какой мне толк от споров с ним, если почти во всем прав я?"

Человеку большой души, если у него нет своего Бога, нужны друзья.

Люди, обладающие "волей большой дальности".

Оказывается, Ницше открыл для себя Достоевского в 87-м году по "Запискам из подполья" и сравнил это с открытием "Красного и черного".

* * *

28 апреля.

Приехал в Лурмарен. Пасмурно. В саду чудные розы, отяженевые от дождя, как налитые соком плоды. Цветут розмарин. Гуляю, и даже в сумерках видны фиолетовые пятна ирисов. Разбитость.

* * *

Много лет я жил, следуя всеобщей морали. Заставлял себя жить, как все, походить на всех. Произносил слова, служившие объединению, даже когда чувствовал свою отдаленность. И вот, как завершение всего этого, катастрофа. Сейчас я брошу среди обломков, неприкаянный, разорванный пополам, одинокий и смирившийся с одиночеством, равно как с моей непохожестью на других и с моими физическими недостатками. И мне надлежит восстановить истину - после того, как вся жизнь прожита во лжи.

* * *

Хотя театр выручает. Пародия все-таки лучше, чем ложь: она не так далека от истины, которая в ней обыгрывается.

* * *

Май.

Снова приступил к работе. Продвинулся с первой частью "Первого человека". Благодарен этим краям, их уединенности, красоте.

* * *

13 мая.

Поездка в Арль. Как ослепительно молода М. Троицын день, поездка в Тулон.

* * *

Телевизионная передача. Не могу "показаться", не вызвав всевозможных толков. Запомнить, зарубить на носу, что я должен отказаться от всей этой ненужной полемики. Хвалить то, что того заслуживает. Об остальном молчать. Если я не буду

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 - декабрь 1959) filosoff.org придерживаться этого правила, то при нынешнем положении вещей придется расплачиваться и быть наказанным. См. "поэтапное выздоровление". Оберегать ту драгоценную внутреннюю дрожь, ту глубокую тишину, которую я обрел здесь. Остальное не существует.

* * *

Последние пять лет я критикую себя самого, то, во что верил, чем жил. Поэтому те, кто разделял те же идеи, считают, что я имею в виду их, и очень на меня обзываются; но нет, я веду войну сам с собой и либо уничтожу себя, либо смогу возродиться, вот и все.

* * *

Марсельские любовники. Дивное небо, сочное море, крикливыи пестрый город всякий раз возобновляют их желание, так что первоначальное изнеможение сменяется непрерывным хмельным угаром... Целомудренны лишь уютные бухты, белые камни да жгучее от света море.

* * *

Гренье. Маронитские отшельники ("Одно лето в Ливане"). В том же гроте можно увидеть почти стертое, к сожалению, очень и очень древнее маленькое распятие, на котором Христос изображен с согнутыми в коленях ногами и в шароварах, какие носят здешние жители, а рядом надпись на странджело (что такое это странджело?). Написать какой-нибудь странноватый рассказ и назвать "Странджело".

* * *

21 мая.

Красное время года. Вишни и маки.

* * *

В полдень, где-то в поле, за Лурмареном таращится трактор... Как мотор у яхты тогда, в палиящий зной, в хиосском порту, а я сидел в прохладной кабине и ждал; да, совсем как сегодня, переполненный какой-то беспредметной любовью.

Люблю маленьких ящерок, таких же сухих, как камни, по которым они снуют. Они похожи на меня: кожа да кости.

* * *

Париж, июнь 59 г.

Я отказывался от моральных оценок. Мораль ведет к абстрагированию и несправедливости. Она порождает фанатизм и ослепление. Праведник должен рубить головы всем остальным. А что говорить о том, кто провозглашает высокие моральные принципы, но сам по ним не живет. Головы летят, а он издает закон за законом - для всех, кроме себя. Мораль разрубает пополам, разделяет, истощает. Нужно держаться от нее подальше, согласиться быть судимым, но не судить, со всем соглашаться, превыше всего ставить единство а пока страдать и агонизировать.

* * *

Венеция, 6-13 июля.

Тяжелая мертвящая жара огромной губкой придавила лагуну, отрезала пути к отступлению со стороны моста Свободы и, зависнув над городом, закупорила все проходы по улицам и каналам, заполнила собой малейшие свободные пространства между стоящими почти впритык домами. И никакой потайной дверки, никакой лазейки - духовка-западня, в которой пришлось жить, беспрерывно мечась из угла в угол. Так же метались и дивизии гнусных туристов ошалевших, злых, потных, одетых в какие-то немыслимые тряпки, точно взбесившаяся труппа огромного цирка, вырвавшаяся на свободу и пришедшая от нее в ужас. Весь город опьянял от жары. В утренней "Гадзеттино" можно было прочесть о венецианцах, которые по-настоящему спяли и были препровождены в соответствующие заведения. Кошки - все как одна - лежали бездыханные. Иногда какая-то из них, встав на лапы, отваживалась сделать несколько шагов по раскаленному кампу, но тут же, настигнутая злым упругим ударом солнца, падала замертво. Крысы, не успев выползти из канала, через две-три секунды шлепались обратно в стоячую жижу. Одуряющий палиящий зной словно задумал обгладать все в этом одряхлевшем городе - облупившуюся роскошь дворцов, раскаленные камни площадей, покрытые плесенью фундаменты домов и сваи причалов. Спасаясь от него, Венеция все глубже погружалась в воды лагуны.

Что касается нас, то мы бродили без всякой цели, не в состоянии даже думать о еде, питаясь исключительно кофе и мороженым - не в состоянии спать и потеряв способность отличать закат от рассвета. Утро заставало нас то на пляже в Лидо, в теплой и липкой утренней воде, то в какой-нибудь гондоле, блуждающей по лабиринту каналов, в то время как небо становилось уже розовато-серым, а черепица вдруг начинала отливать бирюзой. Город был пуст, но жара не спадала ни в этот час, ни вечером, оставаясь такой же испепеляющей и влажной; и Венеция не могла вырваться из ее душных объятий, да и мы тоже, потеряв всякую надежду сбежать хоть куда-нибудь, думали лишь о том, сумеем ли мы сделать еще вдох, потом еще один, сумеем ли пережить это странное время, лишенные точек отсчета, лишенные отдыха, с натянутыми, как струна, нервами благодаря кофе и бессонным

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 – декабрь 1959) filosoff.org
ночам, выброшенные из жизни. Существа не только вне времени, но и ни для кого и
ни для чего на свете не желанные и годные лишь для участия в этом неподвижном
лупоглазом сумасшествии, среди застывшего пожара, который час за часом без
устали пожирал Венецию, и казалось, что вот-вот этот город, еще мгновение назад
сиявший красками и красотой, рассыпается в золу, которая даже никуда не
разлетится ввиду полного отсутствия ветра. И мы все ждали, повиснув друг на
друге, не в силах расстаться, и сгорали, хоть и с какой-то непонятной
неисчезающей радостью, на этом костре красоты.

* * *

Роман. Любовь вспыхивает в них обоих страстью и тела и души. День за днем в
постоянном трепете, в полнейшем слиянии, когда тело обретает ту же
чувствительность и восприимчивость, что и душа. Повсюду вместе на паруснике, и
каждый раз возрождающееся желание. Для него это борьба со смертью, с самим
собой, с забвением, с нею, со своей собственной слабой натурой, и в конце концов
он сдается, вверяет себя в ее руки. После нее у него никого не будет, он это
твердо знает, он дает клятву в том единственном месте, где обнаруживает хотя бы
остатки чего-то священного, – в храме Св. Юлиана Бедного, в котором дух Греции
соединяется с Христом. Он решает сдержать свою клятву во что бы то ни стало, ибо
за этим существом, которое он прижимает к себе, зияет пустота, и его объятия
становятся все крепче, он как бы сливаются с ней, хочет войти в нее, чтобы там
укрыться, навсегда обрести убежище в этой наконец-то найденной любви, там, где
сами чувства излучают сияние, пройдя очищение то ли в пламени негасимого костра,
то ли в ликующих потоках воды, – и увенчиваются не знающей пределов
благодарностью. Это час, когда исчезают границы тел, когда беззащитно-нагой в
своей чистейшей искренности дар оборачивается рождением нового единого существа.

* * *

Перед тем как приступить к роману, я на несколько лет полностью отключусь от
всего. Попытка ежедневной концентрации, умственной аскезы, полнейшей
собранности.

* * *

Как поживает ваша дражайшая матушка? К прискорбию моему, я потерял ее три
месяца назад. О, я не знал этой подробности.

* * *

Левые, среди которых числюсь и я, против своей и их воли.

* * *

Наибольшие усилия требовались от меня тогда, когда приходилось наступать на
горло собственной песне ради того, чтобы заставить себя служить более высоким
целям. И лишь иногда, очень редко, мне это удавалось.

* * *

Продлить молодость зрелому мужчине может только счастливая любовь. Любая другая
мгновенно превращает его в старика.

* * *

Физическая любовь всегда была для меня неотделима от чувства безгрешности и
радости. Любовь для меня не слезы, но восторг.

* * *

Море, божество.

Целые века над древней землей шел непрекращающийся дождь.

Жизнь зародилась именно в море, и в течение всего того невообразимого
количества времени, пока жизнь двигалась от первой клетки к первому организму,
континент, не имевший ни растительной, ни животной жизни, представлял собой
каменистое пространство, наполненное только шумом дождя да воем ветра среди
необъятного безмолвия, в котором не было никакого движения, кроме проносящихся
теней огромных облаков да сбегающих к океану водных потоков.

Миллиарды лет прошли, прежде чем первое живое существо выбралось из моря на
сушу. Оно было похоже на скорпиона. Это было триста пятьдесят миллионов лет
назад.

Летучие рыбы устраивают гнезда и мечут икру на огромных глубинах.

В Саргассовом море – два миллиона тонн водорослей.

Большая красная медуза, поначалу размером не более наперстка, к весне
становится величиной с зонтик. Передвигается она толчками, сзади у нее болтаются
длинные щупальца, а под ее колоколом укрываются стайки мальков трески, всюду ее
сопровождая. Рыба, которая поднимается выше своей глубины обитания, пройдя
невидимую границу, разрывается и выбрасывается на поверхность.

Глубоководные кальмары, в отличие от живущих близко к поверхности и
выбрасывающих чернильное пятно, выпускают светящееся облако. Они прячутся за
светом.

В конечном счете суша представляет собой всего лишь тонкую пленку на

Камю Альбер Записные книжки (март 1951 – декабрь 1959) filosoff.org
поверхности моря. Придет время, когда всем завладеет океан.

Бывает, что волна от мыса Горн доходит до нас, пройдя расстояние в десять тысяч километров. Сильнейший прилив 358 г. начался в Восточном Средиземноморье, затопив все острова и низкие берега и оставил после себя корабли, застрявшие на зубцах крепостных стен Александрии.

* * *

Я – писатель. И за меня все делает перо – думает, вспоминает, открывает.
* * *

Я не могу долго жить с людьми. Мне требуется хоть немного одиночества, частица вечности.

* * *

Что мне еще помогало – справедливость – трудное согласие с собой и с другими, это творчество. Но с тех пор, как я нахожусь в кризисе, в состоянии бессилия, мне стало понятнее это мерзкое желание обладать, которое вечно выводило меня из себя в других людях. Раз уж не завоевывают тебя, можно самому кого-нибудь завоевать. И действительно, в тот момент я нуждался в этом чувстве обладания, которое мне подарила ты. Вот почему я страдал не просто оттого, что ты ушла, но еще больше оттого, что ты солгала мне. Но и это пройдет. Еще немного пессимизма, и даже несчастье засияет: я снова стану самим собой.

* * *

Да, мне было больно от того, что я от тебя узнал. Но ты не должна грустить потому, что грущу я. Я знаю, что не прав, но хотя я и не могу помешать сердцу быть несправедливым, я все же рано или поздно сумею призвать его к объективности. Мне будет не очень трудно преодолеть несправедливость, угнездившуюся в моем сердце. Я знаю, что сделал все, чтобы отдалить тебя от себя. Со мной так было всю жизнь: едва кто-то привязывался ко мне, я делал все возможное, чтобы отпугнуть его. Разумеется, свою роль сыграли и моя нынешняя неспособность брать на себя обязательства, моя привычка быть всегда с разными людьми, мой пессимистический взгляд на самого себя. Но, вероятно, я все же не был настолько легкомысленным, как я сейчас об этом говорю. Первая моя любовь, которой я был верен, ускользнула от меня, предпочтя наркотики и предательство. Видимо, многое идет именно оттуда, в том числе и эта суэтная боязнь новых страданий, хотя их-то на мою долю всегда хватало. Однако с тех пор я неизменно ускользал от всех и, наверное, втайне желал, чтобы и от меня все ускользали. Даже Х.: чего только я не сделал, чтобы охладить ее чувства ко мне. Не думаю, однако, чтобы она в самом деле от меня ускользнула, чтобы она, пусть мимолетно, отдалась другому. Я в этом не уверен (...). Но если бы она так не поступила, то речь здесь шла бы исключительно о проявлении ее внутренней готовности к героизму, а вовсе не о такой любви, которая стремится все отдать, ничего не прося взамен. Так что мною сделано решительно все, чтобы ты ускользнула от меня. И чем сильнее завораживал тот сентябрь, тем более укреплялось во мне желание вырваться из-под действия этих чар. В общем, можно сказать, ты от меня ускользнула. Таков закон этого мира, пусть иногда ужасный. На предательство отвечают предательством, на притворство в любви – бегством от любви. К тому же в данном случае я, требовавший и испытавший на себе все виды свободы, признаю справедливым и правильным, чтобы и ты в свою очередь испытала одну-две ее разновидности. Причем список далеко не закончен.

Что же касается того, чем мне можно помочь, я постараюсь помочь себе сам, и не только водворением в мое сердце холодной объективности, но и той симпатией, той нежностью, которую я к тебе испытываю. Иногда я виню себя за неспособность любить. Вероятно, так оно и есть, но все же я оказался способен выбрать нескольких людей и честно отдать им лучшее, что во мне было, – как бы они ни повели себя потом.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!